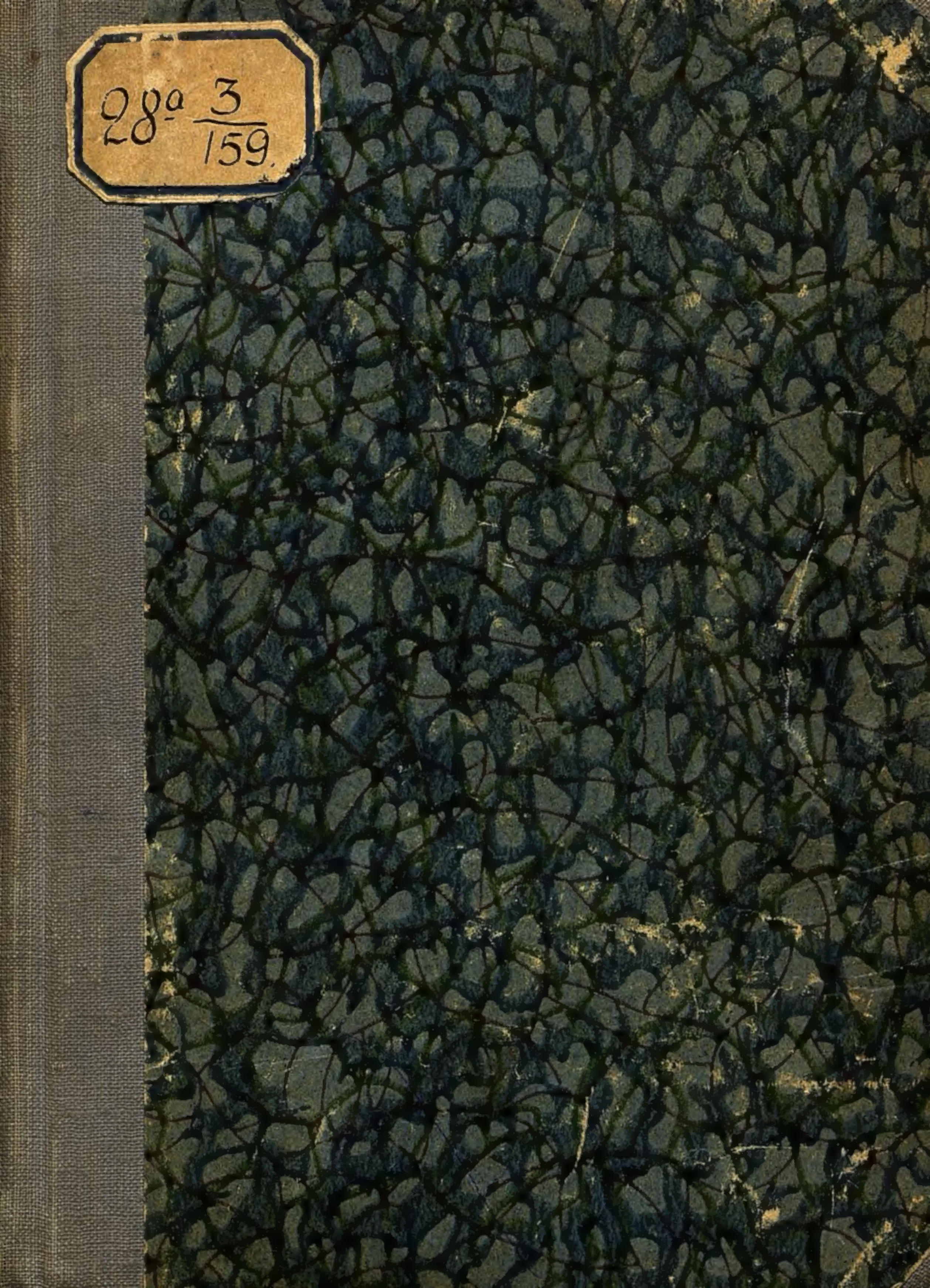
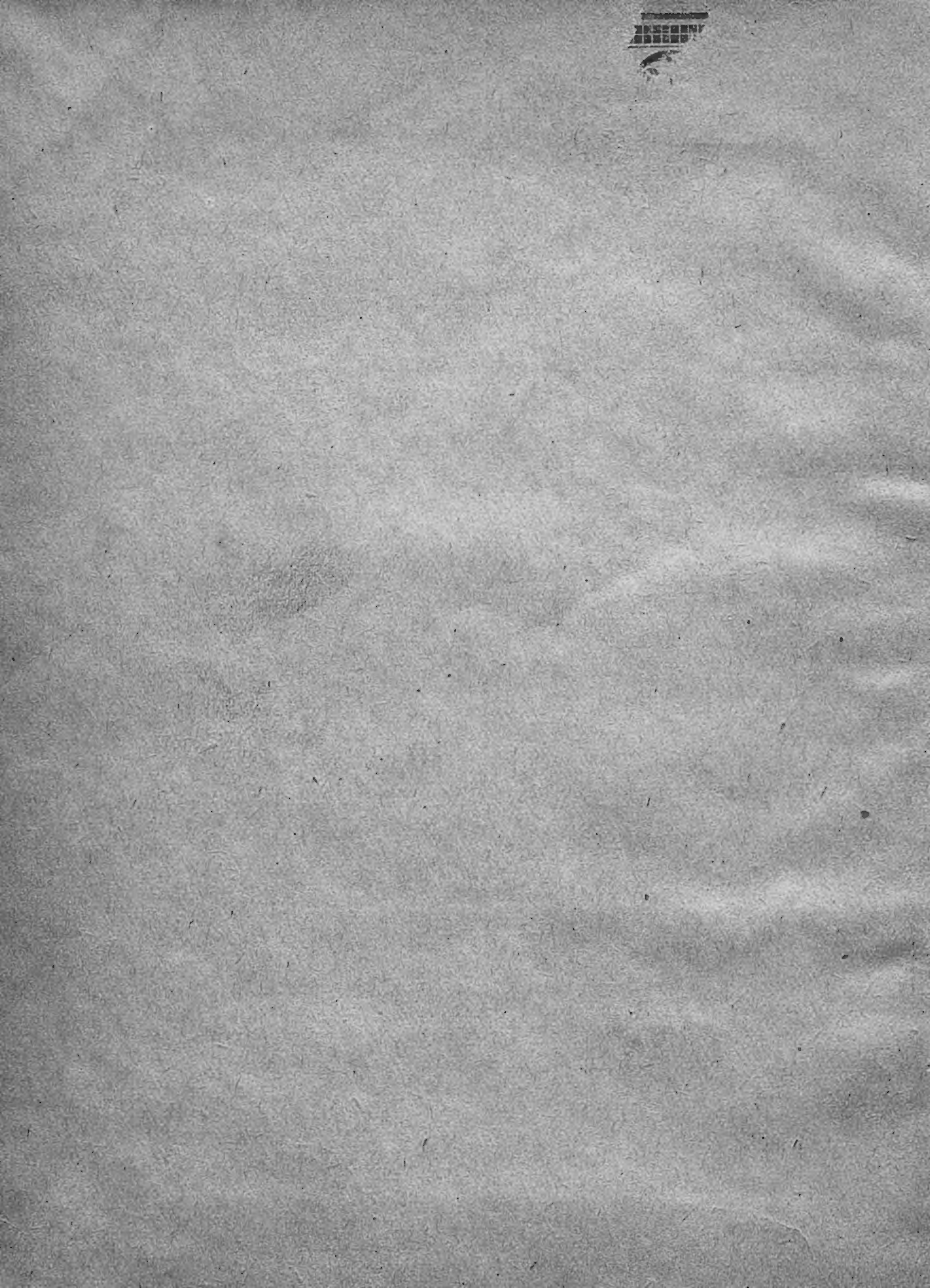
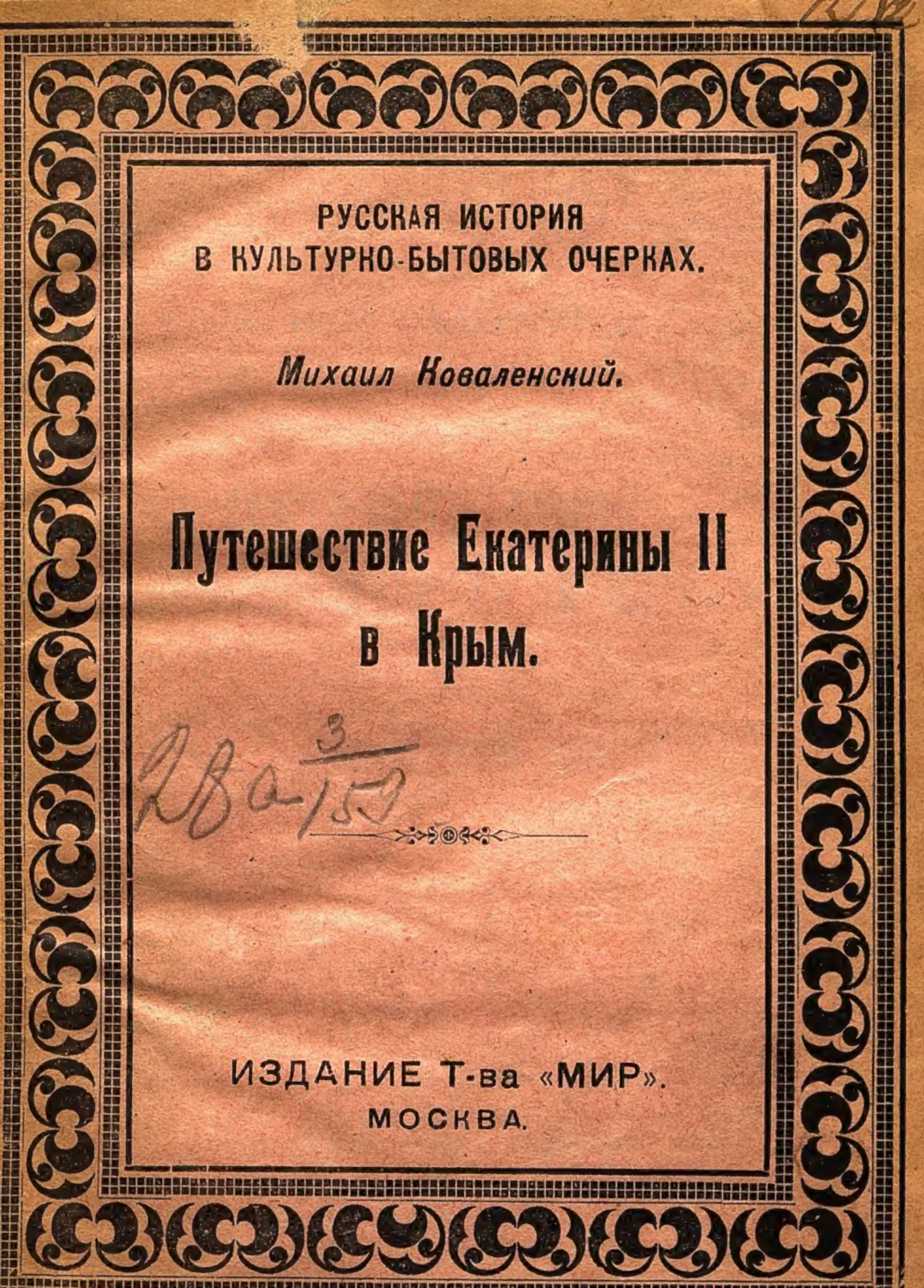

28ª 3
159

РУССКАЯ ИСТОРИЯ
В КУЛЬТУРНО-БЫТОВЫХ ОЧЕРКАХ.

Михаил Коваленский.

Путешествие Екатерины II в Крым.

ИЗДАНИЕ Т-ва «МИР».
МОСКВА.

РУССКАЯ ИСТОРИЯ
В КУЛЬТУРНО-БЫТОВЫХ ОЧЕРКАХ
под редакцией В. Я. УЛАНОВА.

М. Н. КОВАЛЕНСКИЙ.

ПУТЕШЕСТВИЕ ЕКАТЕРИНЫ II В КРЫМ.

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ.

МОСКВА.
Издание Т-ва „МИР“. Знаменка, 9.
1920.

7-ая Государственная типография (бывшая А. И. Мамонтова).
Арбатская пл., Филипповский пер., д. 11.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Задачей настоящей брошюры было нарисовать последний завершительный шаг трехвековой русской колонизации к берегам Черного моря (Новороссия). Вместе с тем, путешествие Екатерины открывает возможность показать провинциальную Россию ее времени и отношение провинциального общества к великой императрице, обрисовать заодно личность самой Екатерины, к многогранному проявлению которой путешествие и встречи представляют столько возможностей; показать окружавших ее сотрудников и друзей—особенно организатора и героя поездки—Потемкина. Встреча с королем расчленяемой в то время Польши, с австрийским императором и с послами других держав выпукло определяет международные отношения екатерининского царствования, а попутное описание вновь присоединенных областей и разноплеменного населения их дает бытовую жизнь юга России и в частности Крыма в момент его присоединения.

Автор брошюры щедрою рукою черпал свои краски и сцены из богатейшей мемуарной литературы, принадлежавшей перу участников и свидетелей этого фееричного по декоративности путешествия «Семирамиды Севера» в «страну Ифигении».

I.

ПОСОЛ ФРАНЦУЗСКОГО КОРОЛЯ.

В 1785 году явился в Петербург новый посол французского короля Людвика XVI, граф Сегюр.

Молодой граф,—ему было тогда 28 лет,—в первый раз попал в русскую столицу. Петербург поразил его двойственностью своего характера, обилием внутренних противоречий. «Здесь в одно время встречаешь просвещение и варварство, следы X и XVIII веков, Азию и Европу, скифов и европейцев, блестящее гордое дворянство и невежественную толпу»,—писал Сегюр в своих записках.—«С одной стороны, модные наряды, богатые одежды, роскошные пиры, великолепные торжества, зрелища, подобные тем, которые увеселяют избранное общество Парижа и Лондона; с другой—купцы в азиатской одежде, извозчики, слуги и мужики в овчинных тулупах, с длинными бородами, с меховыми шапками и рукавицами и иногда с топорами, заткнутыми за пояс. Эта одежда, шерстяная обувь и род грубого котурна на ногах напоминают скифов, даков, роксолан и готов, некогда грозных для римского мира. Изображения дикарей на

барельефах Траяновой колонны в Риме как-будто оживают и движутся перед вашими глазами».

Екатерина была в то время на верху своей славы. Крым был уже присоединен к России, и начаты были разделы Польши. Вслед за усмирением Пугачевщины были произведены внутренние преобразования: издано Учреждение о губерниях, и даны жалованные грамоты дворянству и городам; российское благородное дворянство получило свою хартию. Сегюр удивлялся «успехам Екатерины». Она успела употребить честолюбие других монархов в свою пользу; разделила с своими союзниками Польшу и увеличила свои владения; победила турок, и падение Порты было остановлено только несогласием христианских монархов.

...Удивленная Европа увидела, как русский флот прошел через океан и Средиземное море, пробудил покоившуюся во прахе Спарту, возвестил грекам свободу и взорвал мусульманский флот в Чесменском заливе; наконец, великий визирь был осажден Румянцевым в Шумле, и тень Петра Великого отомщена... «В ее царствование Россия стала державою европейскою; Петербург занял видное место между столицами образованного мира, и царский престол возвысился на чреду престолов, самых могущественных и значительных». Фридрих II говорил о ней: «Многие государыни заслужили славу: Семирамида—победами, Елисавета английская—ловкою политикою, Мария-Терезия—удивительною твердостью в бедствиях, но одна только Екатерина заслуживает наименование законодательницы». Принц де-Лин, австрийский фельдмаршал, срав-

нивал ее с Генрихом IV и с Людовиком XIV, называл ее «Екатерином Великим». Сама Екатерина не менее высоко ценила свои заслуги, и посылала в письме к Гримму, еще в 1781 г., список своих деяний, составленный секретарем ее Безбородкой. Вот этот список:

Губерний, по новому положению учрежденных . .	**29**
Построенных городов	**144**
Заключенных договоров и соглашений	**30**
Одержанных побед	**78**
Достопамятных указов о законах или учреждениях .	**88**
Указов, облегчающих участь народа	**123**
Итого . . .	**492**

«Такова была славная монархиня, при которой я находился в качестве посла», заключил свое описание Сегюр. К ее двору был он командирован министрами короля, чтобы добиться ее дружбы, улучшить отношения между Россией и Францией. Отношения эти были очень натянуты в то время. Франция косо смотрела и на польский раздел, и на присоединение Крыма, и на русскую политику на Черном море, где Екатерина мечтала разрушить Турцию и восстановить Греческую империю. Франция, наоборот, старалась укрепить Турцию, чтобы не дать усилиться на ее счет соседям; французские инструкторы обучали турок военному делу, снабжали их оружием и военными припасами. Сегюр должен был следить за ходом дел на Черном море и не давать турок в обиду, но в то же время не слишком раздражать Россию, чтобы не довести до

войны с нею,—Франция была накануне революции, финансы ее были расстроены, и воевать ей было бы невозможно. Положение Сегюра было трудное: французские министры не верили в успех его стараний; русские министры не доверяли ему, говоря, что французы подстрекают турок к войне. Сам Потемкин не раз упрекал его за излишнюю снисходительность к туркам и называл его, на турецкий манер, Сегюр-Эффенди. Но Сегюр не отчаивался; он надеялся преодолеть все преграды и расчитывал даже добиться большего: он старался завязать торговые сношения России с Францией на Черном море и мечтал заключить торговый договор, выгодный для Франции, оттеснив на второй план торговых соперников—англичан. «Это тем нужнее для обоих государств,—говорил Сегюр,—что императрица имеет ныне порты на Черном море. Мы находимся в самом выгодном положении для того, чтобы открыть места сбыта для южных областей империи, отправляющих свои произведения по дальнему, трудному пути к Балтийскому морю... Взаимная мена так нужна Франции и России, что порты их немедленно наполнятся купеческими судами обеих стран, лишь только будут устранены препятствия»...

Но прежде, чем склонять русских министров к торговому договору, надо было получить аудиенцию у императрицы. Аудиенции этой пришлось несколько подождать; когда, наконец, аудиенция была назначена, и Сегюр явился во дворец, он чуть было не испытал неудачи. «По обыкновенно,—рассказывает он в своих записках,—я представил вице-канцлеру копию с речи,

которую должен был произнести. Когда я приехал во дворец, в приемной комнате, где я дожидался, встретил меня граф Кобенцель, австрийский посланник. Его живой, одушевленный разговор и важность предметов этого разговора заняли мое внимание и развлекли меня совершенно, так что, когда мне объявили, что императрица готова меня принять, я заметил, что совершенно позабыл свою приветственную речь. Напрасно я старался вспомнить ее, проходя через ряд комнат, как вдруг отворилась дверь, и я предстал перед императрицей»...

Екатерина с первого взгляда производила сильное впечатление. «У нее поистине царственный вид,—говорил о ней современник Рюльер: возвышенное чело, несколько откинутая назад голова, гордый взгляд и благородство всей осанки, казалось, возвышали ее не высокий рост».—«У нее были: орлиный нос, прелестный рот, голубые глаза и черные брови, чрезвычайно приятный взгляд и привлекательная улыбка... Белизна и блеск кожи служили ей украшением, которое она долго сохраняла», так описывает ее Сегюр. Можно себе представить, как должен был смутиться посол, забывший свою речь, когда перед ним появилась эта Семирамида Севера.

«В богатой одежде стояла она, облокотясь на колонну,—продолжает он свой рассказ.—Ее величественный вид, важность и благородство осанки, гордость ее взгляда, ее несколько искусственная поза, все это поразило меня, и я окончательно все позабыл. К счастью, не стараясь напрасно понуждать свою па-

мять, я решился тут же сочинить речь, но в ней уже не было ни слова из той, которая была сообщена императрице, и на которую она приготовила свой ответ. Это ее несколько удивило, но не помешало тотчас же ответить мне чрезвычайно приветливо и ласково и высказать несколько слов, лестных для меня лично».

Принц де-Лин, описывая Екатерину, сравнивает ее с Королем-Солнцем: «при виде Людовика XIV,—говорит он,—всякий трепетал; при виде Екатерины всякий ободрялся». Сегюру пришлось на себе испытать правильность этого суждения.

Екатерина была очень довольна новым послом и писала о нем в письме Гримму: «Я не удивляюсь репутации г. Сегюра,—она мне кажется заслуженной, и наверное она лучше всего, что от вас когда-либо приезжало в нашу страну». Через несколько времени Сегюр получил приглашение в Царское Село.

II.

В ЦАРСКОМ СЕЛЕ.

«Я пишу вам в кабинете из массивного серебра, отчеканенного с узором из красных листьев; четыре колонны с тем же узором поддерживают зеркало, служащее балдахином дивану, обитому ярко-зеленой материей с серебром московского изделия; стены состоят из зеркал, которым серебряные пилястры с красными же листьями служат рамами. Балкон выходит

в сад; дверь образуют два зеркала, так что она всегда кажется раскрытою, хотя бы была затворена. Этот кабинет очень роскошен, блестящ, весел, не обременен тяжелыми украшениями и очень приятен. У меня есть другой, на котором, как на табакерке, соединены белый и голубой цвет с бронзою; белое и голубое стекло, а узор по ним—из арабесков».

Так писала Екатерина в одном из писем к Гримму. Она любила и свой серебряный кабинет, и кабинет-табакерку, и громадную колоннаду, с широким видом на окружающее море зелени. Любила прогуливаться по извилистым дорожкам вдоль озера, окруженная внуками, с семилетним Александром во главе, предшествуемая собаками, из потомства сэра Томаса Андерсона, подаренного ей когда-то английским доктором, привившим ей оспу; собаки носились кругом с веселым лаем и визгом и давали всем знать, где находится их хозяйка. «Вы меня здесь не легко найдете после обеда,—писала Екатерина тому же Гримму:—потому что, кроме семи комнат, украшенных яшмою, настоящим и поддельным мрамором, кроме сада, прямо прилегающего к моим покоям, я обладаю громадной колоннадой, которая примыкает к тому же саду и оканчивается лестницей, ведущей прямо к озеру. И после того ищите меня, если хотите; еслиб вы когда-нибудь сюда приехали, то разве только лай Томасов укажет вам путь, по которому я направляюсь, а иногда лепет пяти малюток (внучат), которые прилипают ко мне, как репьи, и надо мне стряхнуться, чтоб отогнать их, потому что они никогда бы со мной

не расставались». Иногда ранним утром садилась она на Камероновой галлерее, посреди колоннады, и любовалась открывавшимся перед ней простором,— с колоннады было видно на сто верст кругом; или прогуливалась по колоннаде, «между бронзовыми бюстами, там стоящими,—Юлий Кесарь, Ахилл, Цицерон, Аполлон, Гомер и другие,—со временем их будет 82;— вы не можете себе представить, какие прекрасные мысли внушает подобная компания»...

Спустившись с колоннады, Екатерина гуляла вдоль озера и доходила до грота, стоявшего у берега и глядевшего в воды озера. Этот грот был великолепен. Строил его еще при Елисавете знаменитый Растрелли; но тогда он весь был покрыт раковинами, на его убранство пошло 210 тысяч больших раковин и 17 с половиной пудов малых. Теперь все эти раковины были сняты, и грот был отделан гораздо проще. Высокая зала, устроенная внутри грота, делилась арками на три части; красивые железные решетки на окнах и на дверях, красивые лепные работы на стенах придавали всему зданию нарядный вид. Здесь хранились античные бюсты и статуи, собранные Екатериной, это была ее «зала антиков»: отсюда брались образцы для изготовления копий, которыми Камерон украсил свою колоннаду. А посреди античных Аполлонов и Антиноев — восседал великий Фернейский старец (Вольтер), весь из мрамора, и на мраморных же креслах — знаменитая статуя Гудона, присланная из Парижа. «Когда входишь в эту залу, то, право, дух захватывает,— писала Екатерина Гримму,— и—о чудо! ста-

туя Вольтера нисколько не теряет от всего, ее окружающего. Вольтер прекрасно стоит там; он любуется на лучшие статуи античные и современные»...

В этом гроте, посреди античных бюстов и перед лицом Вольтера, Екатерина часто проводила ранние утренние часы, занимаясь делами или перепиской; здесь она, может-быть, писала и письма к Гримму.

В 10 часов, после нескольких часов утренней работы, императрица иногда оставалась тут же, в гроте, завтракать; особым сигналом созывались к ней ее приближенные, прибегали иной раз и внуки, и из дворца приносили чай, кофе и шоколад. Откуда нибудь с озера доносились звуки легкой музыки...

В час дня императрица обедала, в большом обществе в Камероновой галлерее, или в тесном своем кругу,— в Эрмитаже. Там можно было обходиться без прислуги и беседовать на полной свободе: по знаку, данному особым шнурком, из-под пола поднимались накрытые для обеда или ужина столы, уставленные блюдами; перед всеми собравшимися оказывались аспидные доски с грифелем,— достаточно было написать свое требование и дернуть шнурок—и через несколько мгновений снизу появлялось заказанное блюдо. Здесь, в Эрмитаже, устраивались и танцы, и спектакли. Екатерина писала потом Гримму: «Вчера здесь играли комедию; после театра вся дипломатическая клика (послы) гуляла и ужинала со мной;— и все были в таком настроении, что находили все прелестным, восхитительным»...

Сюда, в этот прелестный восхитительный уголок,

был приглашен Сегюр. Императрица собиралась показывать ему все Царское, со всеми его строениями, беседками и аллеями, статуями антиков и статуей Вольтера. Граф прибыл из Парижа, где вращался при образцовом дворе, прогуливался в самом Версале,— его не удивишь никакой роскошью; ведь у французского короля несколько тысяч царедворцев,—у русской императрицы всего по дюжине камер-юнкеров, камергеров и фрейлин; но грот, эрмитаж, колоннада, серебряный кабинет и голубой кабинет-табакерка наверно ему понравятся; и аллеи английского сада,— оне не хуже «регулярных аллей Версаля».

III.

В ГОСТЯХ У ИМПЕРАТРИЦЫ.

Сегюр был очарован тем, что видел, тем приемом, какой был ему там оказан, и писал в своих записках:

«Когда я приехал туда, императрица была так добра, что сама показывала мне все красоты своего великолепного загородного дворца. Светлые воды, тенистая зелень, изящные беседки, величественные здания, драгоценная мебель, комнаты, покрытые порфиром, лазоревым камнем и малахитом,— все это представляло волшебное зрелище и напоминало удивленному путешественнику дворцы и сады Армиды...

«При совершенной свободе, веселой беседе и полном отсутствии скуки и принуждения, один только ве-

личественный дворец напоминал мне, что я не просто на даче у самой любезной, светской женщины. Кобенцель был неисчерпаемо весел; Фитц Герберт (британский посол) выказывал свой образованный, тонкий ум, а Потемкин свою оригинальность, которая не оставляла его даже в нередкие минуты задумчивости и хандры. Императрица свободно говорила обо всем, исключая политики; она любила слушать рассказы, любила и сама рассказывать. Если беседа случайно умолкала, то обер-шталмейстер Нарышкин своими шутками непременно вызывал на смех и остроты.

«Почти все утро государыня занималась, и каждый из нас мог в это время читать, писать, гулять, одним словом, делать, что угодно. Обед, за которым бывало немного гостей и немного блюд, был вкусен, прост, без роскоши; послеобеденное время употреблялось на игру или на беседу; вечером императрица уходила довольно рано, и мы собирались у Кобенцеля, у Фитц Герберта, у меня или у Потемкина».

Во время прогулки по саду Екатерина привела Сегюра к небольшому кладбищу, на котором были схоронены любимые ее собаки, из фамилии Андерсон. Здесь под тремя мраморными плитами были закопаны бедные животныя; под одной из плит была погребена недавно Земира. Екатерина рассказывала о ней Сегюру и жалела, что никто не сочинил для Земиры какой-нибудь эпитафии. Сегюр любезно вызвался написать таковую. Он хотел только знать, что представляла собой покойница.

«Я полагаю, что вам достаточно будет знать,—воз-

разила императрица,—что она родилась от двух английских собак: Тома и Лэди, что она имела множество достоинств и только иногда бывала немножко зла». Этого было довольно; эпитафия скоро была готова. Она была написана по-французски.

«Эпитафия Земиры (перевод).

Здесь пала Земира, и опечаленные Грации должны набросать цветов на ее могилу. Как Том, ее предок, как Лэди, ее мать, она была постоянна в своих склонностях, легка на бегу и имела один только недостаток,—была немножко сердита; но сердце ее было доброе. Когда любишь, всего опасаешься, а Земира так любила ту, которую весь свет любит, как она. Можно ли быть спокойною, при соперничестве такого множества народов! Боги, свидетели ее нежности, должны были бы наградить ее за верность бессмертием, чтобы она могла находиться безотлучно при своей повелительнице».

Императрице так понравились эти стихи, что она приказала вырезать их на камне, служившем надгробным памятником Земире.

IV.

НОВОРОССИЯ.

Новороссия, куда собиралась ехать Екатерина, была для России действительно новой областью. В течение целого тысячелетия своей истории, русский народ не мог

свободно селиться в степи, где господствовали кочевники; весь южный край с его богатейшим черноземом был закрыт для русской колонизации; спускаться туда решались, да и то с большою оглядкой, одни беглецы-казаки, которым некуда было больше итти. Только с Ивана Грозного началось движение на юг, за Оку, где в степи стали строиться русские города,—Тула, Орел и другие; и в течение двух веков выросли одна за другой пять укрепленных линий, пять рядов крепостей, с валами, рвами и засеками, все дальше и дальше отводивших русский рубеж к югу. Россия постепенно повертывалась лицом к югу, население спускалось на юг, на «червонное золото» южного чернозема, перед русскими людьми открывались неисчерпаемые богатства обетованной страны,—полуденного края. Начиналась тяга к Черному морю.

До половины XVIII века пространства к югу от Киева и Чернигова, Полтавы и Харькова оставались еще пустыми, незаселенными. Украинская укрепленная черта, возведенная Минихом, была южной границей России. Только днепровские запорожцы двигались глубже в степи. С половины XVIII века началось заселение степей к югу от этой черты,—Крым приходил в упадок и не внушал уже прежнего страха. При Елисавете Петровне сюда устремились поселенцы с славянского юга,—сербы, хорваты из Австрии; они шли сюда целыми полками, со своими полковниками—Хорватом, Шевичем, Прерадовичем во главе, и селились на всем пространстве от южного Буга—через Днепр— до Сев. Донца; выростали военные поселки, формиро-

вались новые гусарские полки, заселялись новые русские окраины, Новосербия, Славяносербия.

Екатерина II разрешила селиться там русским беглым, раскольникам и иным, уходившим раньше за русский рубеж. К 1764 г. здесь было уже до 200 селений и свыше ста тысяч жителей.

После первой турецкой войны Екатерины южный предел России продвинулся еще дальше на юг и достиг уже Черного моря,—двумя рукавами, в Керчи и Азове—и в Кинбурне, охватив с обеих сторон Крым. Затем стал русским владением и татарский Крым. Движение к Черному морю было завершено; теперь надо было заселить новые области, закрепить их прочнее за Россией. Во главе этого дела был поставлен Потемкин. С 1774 г. он сделался главным командиром Новороссии, а с 1777 г. ему же были подчинены и две губернии нижнего Поволжья, Саратовская и Астраханская; в его руках была теперь вся южная Россия; четыре больших русских реки: Буг, Днепр, Дон и Волга, в его наместничестве впадали в моря; он был наместником трех южных морей России, Черного, Азовского и Каспийского; вся «обетованная страна» подчинилась его единой власти.

Первые 6 лет своего управления Новороссией Потемкин оставался в северной столице и правил страной из Петербурга. В эти 6 лет он уничтожил окончательно Запорожскую сечь, тревожившую мирных поселенцев своими грабежами, призвал новых поселенцев—греков, участников турецкой войны России, переформировал местные полки, ввел подушную подать,

выстроил новые верфи в Таганроге, основал новые большие города,—Херсон, Екатеринослав.

С 1780 г. Потемкин сам явился на юге и принялся с большим жаром за колонизацию и устройство Новороссии. Он усиленно привлекал в страну новых колонистов, призывал русских беглецов, сулил им всякие облегчения и льготы, приглашал греков и армян из Крыма, корсиканцев с Корсики. Всем им раздавались казенные плодоносные земли.

Потемкин заботился не только о заселении края, но о его обогащении, о развитии в нем хозяйства. Он выписывал из-за моря семена, устраивал сады и огороды, хлопчатые плантации и виноградники, сажал тутовые деревья и разводил шелковичных червей. В одном из писем к императрице, посылая ей дорогую шелковую материю, Потемкин писал: «Вы приказали червям работать на людей... Ахтуба приносит вам на платье. Если моление мое услышано будет, то Бог продлит лета ваши до позднейших времен, и ты, милосердая мать, посещая страны, мне подчиненные, увидишь шелками устлан путь».

Усиленно строились в Новороссии города. Для строения Херсона были вызваны 3 полка полка, и 500 корабельных плотников выписано из России. В немного лет здесь вырос целый город, крепость и порты.

«Через 2 года по основании сюда уже приходили иноземные корабли, народ стремился со всех сторон и обогащался, иностранцы завели коммерческие домы». Херсон должен был сделаться вторым Петербургом.

В 1782 г. Новороссию посетил президент Академии наук, бывший малороссийский гетман гр. К. Г. Разумовский. В одном из своих писем к Ковалинскому он так описывал свое путешествие: «В сделанном мною в Херсон вояже я ощущал особливое удовольствие, ибо не точию в путешествии сем не имел никакого беспокойства, но зрение мое беспрестанно занималось приятным удивлением, поколику на самой той ужасной своей пустотой степи, где в недавнем времени еще кое-где рассеянные обретаемы были ничего не значущие избушки, называемые от бывших запорожцев зимовниками, на сей пустоте, особливо по Херсонскому пути, начиная от самого Кременчуга, нашел я довольные селения верстах в 20, в 25 и не далее 30, большею же частью при обильных водах.

«Что принадлежит до самого Херсона, то, кроме известного великолепного Днепра, представьте себе множество всякий час умножающихся каменных зданий, крепость, замыкавшую в себе цитадель, и лучшие строения, адмиралтейство с строющимися и построенными уже кораблями, обширное предместье, обитаемое купечеством и мещанами, разнородными, с одной стороны, казармы, около 10 тысяч военнослужащих в себе вмещающие, с другой. Присовокупите к сему и видоприятный остров с карантинными строениями, с греческими купеческими кораблями и с проводимыми для выгод сих судов каналами. Все сие вообразите, и тогда вы не удивитесь, когда вам скажу, что я и поныне не могу выйти из недоумения о толь скором воз-

ращении на месте, где так недавно один только обретался зимовник. Не говорю уже о том, что сей город, конечно, в скорости процветет богатством и коммерцией, сколь то видеть можно из завидного начала оной. Херсон для меня столь показался приятен, что я взял в нем и место для постройки дома, на случай, хоть быть там некогда и согражданином.

«Скажу вам и то, что не один сей город занимал мое внимание. Новые и весьма недавно также основанные города Никополь, Новый Кондак, лепоустроенный Екатеринославль. К тому же присовокупить должно расчищенные и к судоходству удобными сделанные Ненасытицкие пороги с проведенным и проводимым при них с невероятным успехом каналом, равно достойны всякого внимания и разума человеческого».

Движение России на юг, к Черному морю, не могло не встревожить турок. Можно было предвидеть, что Турция возьмется за оружие, чтобы остановить этот рост России и положить ему предел. В ожидании будущей войны Потемкин спешил вооружаться.

Получив для этой цели из казны 18 миллионов рублей, он занялся военной подготовкой края: в Херсоне и Кременчуге лили пушки, в Херсоне и Таганроге строили корабли, в Херсоне, Кинбурге, Кизикермене, Керчи, Еникале возводились крепости. Две русских армии стояли в южных губерниях России,—одна в Малороссии—Румянцева,—другая в Новороссии, — Потемкина. В Крыму бывшая Ахтиарская гавань обращалась в военный Севастопольский порт; сооружался военный черноморский флот,—строились линейные ко-

рабли и фрегаты; лес для постройки сплавлялся по рекам из Полтавы, Воронежа, Белоруссии, железо шло с сибирских заводов, рабочие выписывались из внутренних губерний.

Столицей нового края должен был сделаться новый город, построенный во славу Екатерины,—Екатеринград или Екатеринослав. Целая армия рабочих строила этот город, начиная с 1785 года.

Заготовлялись для построек материалы, ассигновались большие денежные средства; на первые расходы отпущено были 200 тыс. рублей. Все делалось на широкую ногу. На казенный счет строили каменные дома и сдавали всем желающим, чтобы привлечь побольше поселенцев. Должны были строиться 12 фабрик и «лавки полукружием, на подобие Пропилей или преддверия Афинского», с биржей посредине, «судилище на подобие древних базилик». Улицы должны были быть шириной в 30 сажен, а весь город должен был раскинуться на 300 кв. верстах и тянуться вдоль Днепра на 25 верст; на одни городские выгоны для скота отводилось 80 тысяч десятин земли. Городской собор должен был быть копией св. Петра в Риме, только на аршинчик больше. Затем предполагалось открытие театра, музыкальной академии или консерватории и университета. В университете должны были преподаваться «не только науки, но и художества»; и при том—«как для подданных Российских, так и для соседственных народов, наипаче же единоверных с нами». Потемкин надеялся, что «по соседству Польши, «Греции, земель Волошской, Молдавской и народов

иллирийских, множество притечет туда юношества обучаться». Толковали уже об обсерватории, о целом латинском квартале для профессоров и студентов; учреждена была университетская канцелярия, положено жалованье профессорам, и приглашены некоторые из них; был назначен и директор консерватории, известный музыкант и композитор Сарти. Столица Новороссии должна была вырости из земли с американскою быстротой.

В столице новой страны строился и дворец ее правителя, Потемкина. При дворце разбивался обширный сад с двумя оранжереями: в одной из них разводились ананасы, в другой—лимоны и апельсины, финики и гранаты, лавры и померанцы. Здесь собирался наместник Новороссии принимать императрицу.

К 1787 г., когда Екатерина решила посетить Новороссию, в ней было населения уже 700 тысяч человек.

V.

ПРИГОТОВЛЕНИЯ ПОТЕМКИНА.

Первая мысль о путешествии в южную Россию, во вновь приобретенные полуденные края, возникла еще в 1780 г., во время свидания в Смоленске с Иосифом II. Австрийский император, приезжавший под именем графа Фалькенштейна, обещал русской государыне посетить ее в тех местах и встретиться с ней в Херсоне. Но тогда Крым не был еще присоединен к России. После присоединения Крыма мысль эта еще более

укрепилась. Екатерина собиралась ѣхать на юг летом 1784 г., но чума, занесенная войной в Херсон, тогда помешала.

Затем мысль эта возродилась снова. По некоторым известиям, это было делом врагов Потемкина; они хотели свалить светлейшего, чтобы самим занять его мѣсто; один из них предложил императрице отправиться в Новороссию и Крым, чтобы лично убедиться в царящих там порядках. Рассказывали, будто Потемкин, узнав об этом, «сильно перепугался и даже сознался, что полученные им для административных целей 3 миллиона рублей истратил на собственные частные нужды»... Но проверка была отложена на 3 года; этого времени было достаточно, чтобы подготовить не падение, а торжество Потемкина.

С осени 1784 г. Потемкин занялся приготовлениями в своем наместничестве к приему императрицы.

Местным губернаторам послан был подробный приказ,— строить дворцы, заводить дороги, садить плантации, устраивать кирпичные и черепичные заводы, рыть колодцы, заготовлять и подвозить материалы для скорейшей постройки Екатеринослава. Далее говорилось о приготовлении для высочайшей путешественницы потребного числа лошадей, об устройстве по пути обеденных столов, о квартирах для свиты, о мебели и т. п.

Особенно трудно было организовать поставку лошадей. Их должны давать местные жители. Лошадей требовалось громадное количество. От Петербурга до Киева устроено было 76 станций, и на каждой надо было приготовить по 550 лошадей, всего только до

Киева 41.800 лошадей. На всем протяжении пути в оба конца, туда и обратно—лошадей нужно было 110 тысяч; это стоило населению не менее 5 милл. рублей. Лошадей ставили губернии, лежавшие близ пути, по которому должны были ехать путешественники; губернии, далеко находившиеся от пути «шествия», должны были откупаться от лошадиной повинности деньгами; так платили деньгами губернии. Колыванская, Пермская, Кавказская, Тобольская, Иркутская; в Костромской губернии с одной только волости было собрано (по 30 коп. с души) 830 руб. Сверх того, на расходы пути была увеличена подушная подать на 20 к. с души, и таким путем получено 2 миллиона рублей.

На всех станциях должны были быть устроены помещения для остановки и заготовлены съестные припасы. В одних местах строились дворцы, с новой специально заказанной мебелью, в других—крытые галлереи, по коим расставлялись столы с яствами, «с приличными напитками и прибором». За столом подавалось каждый раз совершенно новое столовое белье. В городах отводилось по 25 квартир для свиты императрицы. Съестные припасы требовались по расписанию: «Рогатых скотин на станции по 3, телят, хорошо выпоенных по 3, баранов 10, птиц: курей 15, гусей 15, и диких птиц сколько можно, муки крупичатой 2 пуда, сыр голландской, масла коровья пуд, сливок 2 ведра, яиц 500, окороков 6, чаю фунт, кофе полпуда, масла praванского полдюжины, сельдей боченок, сахару 2 пуда, самовары, чайники большие, доски подносные, чайные приборы, також и вина белого и красного

французских по 3 ведра, водки французской, сладкой и крепкой водки штофов по 5, аглицкого пива по 4 дюжины, лимонов 50, столовое белье, столовые приборы, посуда столовая и поваренная, поваров и прочее, что до столов нужно, и служителей в хорошем одеянии.

«На тех станциях, где ни обеда, ни ночлега не означено, должно быть в заготовлении блюдам с жареными разного рода холодными блюдами, пирогами, сыр, масло, окорэки, словом, съестных и питейных припасов со всех, о коих выше упомянуто, поставлять половинное количество против прежнего пункта». Все, что можно, рекомендовалось присылать на станции из дворянских домов безденежно; деньги же требовались больше на то, что надо было купить,—на конфеты, на пряное варенье и т. п., и на иллюминацию: «необходимо надобна иллюминация, для которой от каждого уезда прислать по 6 рублей денег».

Об одной из дорог, по которой должна была проехать Екатерина, Потемкин писал, чтобы сделали ее «богатою рукою, чтобы не уступала римским дорогам; я назову ее Екатерининский путь». В разных местах сооружались триумфальные арки и ворота; на Днепре, против Херсона, был вполгода выстроен новый совсем городок Алешин и заселен нарочно выписанными малороссами.

В разных местах, через которые должна была проезжать императрица, были выработаны особые планы и церемониалы торжественных встреч и приемов. Встречать высоких гостей должны были на границе уездов

уездный предводитель дворянства с верхоконными молодыми дворянами и затем препровождать до места, до дворца; у «опровожателей», молодых дворян, должны быть «на лошадях уборы, по возможности хорошие, сами в губернских мундирах, в шляпах с бантами, в перчатках, в щиблетах»;— а «буде бы кто из господ дворян чем ослушным или нерадивым оказался, таковой подвергает честь, жизнь и имение свое опасности». По городским улицам «гражданам стоять по обе стороны, в случае же не помещения, по великости стечения оного, позволить быть на кровлях и заборах;— во время шествия, никому через улицы не перебегать;— улицы в селениях наметать травою с полевыми цветами, не густо посыпанными, но ельнику нигде не употреблять и деревьями не усаживать,— никаких повозок по большой улице не терпеть, и никто бы навстречу не ехал».— «Во всех на дороге селениях жителей поставить по обеим сторонам улицы, так как и из окружных близ лежащих селений приказать быть, при тех же самых деревнях, кои на тракте, где будут удобнее места при дороге для пастьбы скота, то из окружных селений приказать на оных местах на тот день, когда будет шествие, пригнать, дабы в проезде от поселян во всех частях лучшей вид был представлен. При всех оных крестьянах должны быть тех селений начальники, кои наблюдают между ими тишину и порядок, чтоб все крестьяне были в пристойной крестьянской чистой одежде; так же строго смотрят того, чтоб между сими поселянами не было больных и увечных».

Императрицу должны были встречать представители местного населения, в том числе крымские и ногайские татары, киргизы, туркмены и другие.

Девкам и женщинам предписывалось подносить императрице пучки цветов и трав, связанных красной лентой, и бросать под карету цветы, а прочим «изъявлять свои восхищения приличными поступками и приветствиями»; только чтобы не было никого «в развращенных и разодранных одеждах, а особливо пьяных и нищих». Несомненно,— говорилось в одном церемониале встречи,— что «господа дворяне, хотя на станциях и без того уже будут приготовлены лошади,— еще «поусердствуют», и «приготовят» в упряжку под импер. карету по 12 лошадей и при них по 4 человека форейторов в красных камзольчиках с красными стоячими воротниками, обшлага подкладки зеленые с белыми жилетами, и таким же исподним платьем в черных картузах». При этом напоминалось жителям, чтобы они не смели подавать государыне челобитные, так как это запрещено законом 1765 г., под страхом жестоких кар: для кого—вычета из оклада, лишения чина, ссылки в свои деревни, а для кого—и плетей, и рекрутчины, и каторги.

Во все время плавания (2 недели) запрещалась всякая переправа; в Харьковской губернии должна была на день въезда прекратиться деятельность судебных учреждений, и судьи были освобождены от обязанностей «на сей высокий, знаменитый случай».

В Крыму также принимались энергичные меры. Для проведения новых дорог раскапывались горы, расста-

влялись верстовые столбы и каменные мили, сажались вдоль дорог ряды деревьев. В городах некоторые улицы застраивались «хорошими домами и лавками», а худые ломались и увозились; «как нету способу совсем привести в красоту города теперешние,—писал в Крым Потемкин,—то, по меньшей мере, сделать сколь можно опрятнее». Во исполнение этого приказа города чистились и белились, на домах поправлялись крыши, приводились в исправность трубы. По большой дороге, где должна ехать императрица, предписано было, «отступя 10 саженей, все удобные места к посеянию хлеба—вспахать и засеять»,—дабы можно было усмотреть, «что здешние жители не в праздности и лености дни свои провождают». В городах и на станциях строились дворцы, с приемными и столовыми, кабинетами и буфетами, передними, передпередними и «маленькими апартаментами». Для дворцов отправлялись из Москвы целые транспорты с вещами,—кибитки на полозьях, груженые люстрами и зеркалами, ломберными столами и т. д. Во дворцах комнаты украшались зеркалами в золотых рамах, мраморными каминами, хрустальными люстрами, канапе, обитыми красным сафьяном, на стенах вешались гардины из зеленой тафты с шелковыми кистями, а в других покоях—из белого миткалю и красного кумачу, с кистями и с бахромой. Полы застилались коврами малинового или зеленого сукна, а стены обивались парчей или голубой тафтой. Стулья были плетеные крашеные, были и с бусами и с перилами, с красной шелковой обивкой и с красными сафьяновыми подушками. Припасались

и платяные щетки, и крылья для сметания пыли, и уксус для окуривания дворцов. Заранее набиралась прислуга; в один дворец в Бахчисарае требовалось для императрицы и ее свиты 188 человек прислуги. В Харьков и Кременчуг посылали за серою и селитрой для фейерверков; для той же цели требовалась драня,— ее брали с кровель крестьянских изб. Нечего говорить о том, сколько припасалось фруктов, конфет, шоколаду, пива, вин и сиропов. Даже веревок для вожжей велено было заготовить не менее 10 тысяч саженей.

В 1786 г. Потемкин сам отбыл на юг, чтобы руководить лично всеми приготовлениями. Местный архиерей не знал, на какую тему говорить ему слово при встрече императрицы; Потемкин написал ему тему собственноручно. Музыкант, директор будущей консерватории, Сарти сочинял для приема императрицы торжественную ораторию; Потемкин прослушал сам заранее эту ораторию. Затем Потемкин самолично посетил Крым и объехал все места, по каким должна была «шествовать» императрица.

Для встречи императрицы, чтобы было ей что показать, принимались и другого рода меры. Там, где не было еще никаких селений, среди пустыни воздвигались великолепные декорации, и целые села и города разрисовывались на полотне; толпы людей, собранных издалека, пригонялись к местам, через которые лежал путь императрицы, и в нарядных костюмах, в цветах и лентах, должны были ее приветствовать. Заранее заготовлялись стада скота, которые нужно бу-

дет перегонять с места на место и всюду показывать те же стада императрице. В громадных житницах и амбарах для хлеба мешки наполнялись, вместо пшеницы, песком, так как не было столько хлеба, чтобы произвести надлежащее впечатление.

Так создавалась та чудная панорама, та волшебная феерия полуденного края, которую собирался показать Екатерине Потемкин. Один из сотрудников его, Чертков, дивился его необыкновенному искусству: «Я был с его светлостью,—рассказывал он,—в Тавриде, в Херсоне, в Кременчуге месяца за два до приезда туда ее величества. Нигде там ничего не видно было отменного; словом, я сожалел, что его светлость позвал туда ее имп. величество попустому. Приехав с государыней, Бог знает, что там за чудеса явилися. Чорт знает, откуда взялись строения, войска, людство, татарва, одетая прекрасно, казаки, корабли... Ну, ну, Бог знает что... Какое изобилие в явствах, в напитках, словом, во всем,—ну, знаешь, так, что придумать нельзя, чтоб пересказать порядочно. Я тогда ходил, как во сне, право, как сонный. Сам себе ни в чем не верил, щупал себя: я ли? где я? не мечту ли, или не привидение ли вижу? Ну-у! надобно правду сказать: ему,—ему только одному можно такие дела делать; и когда он успел все это сделать? Кажется, не видно было, чтобы он в Киеве занимался слишком делами... Ну, подлинно, удивил. Не духи ли какие-нибудь ему прислуживают?..».

Граф Ланжерон, бывший позднее правителем южных областей, также дивился искусству Потемкина: «Ка-

ким чародейством,—спрашивал он,—можно породить подобные чудеса?»—И рассказывает, что это было за чародейство. «Надо сказать,—продолжает он,—они были созданы тиранией и страхом, и разорением нескольких провинций. Из населенных губерний Малороссии и тех мест, по которым не следовала государыня, все население было пригнано в эти пустыни; тысячи деревень были на это время выселены, и все их обитатели со всеми стадами препровождены на разные намеченные станции. Их заставили спешно строить искусственные деревни на ближайших берегах Днепра и фасады деревень в отдалении. Когда государыня проезжала, всех этих несчастных гнали обратно, многие умерли вследствие такого переселения... Будучи 30 лет спустя генерал-губернатор этих провинций, я мог удостовериться в истинности этих подробностей, показавшихся мне сначала невероятными».

VI.

СБОРЫ ЕКАТЕРИНЫ В ПУТЬ.

1 января 1787 г. Екатерина писала Гримму: «Завтра я еду отсюда в Царское Село, а оттуда 7 января выезжаю в Киев. Стол мой уже пуст и вполне очищен. Со мною поедут мои три карманные министра...»

Участвовать в путешествии должен был и принц де-Линь. Принц был не менее блестящим спутником для Екатерины, чем граф Сегюр, которого она так ценила за его любезность. Это был незаменимый чело-

век. «Во всех европейских дворах,—рассказывает Сегюр,—его принимали и ласкали. Его любили за добродушие и обходительность, за оригинальный ум и живое воображение; он мог оживить самое бездушное общество. Он отличался рыцарскою храбростью на войне, обладал обширными сведениями в военных науках, истории и литературе, был внимателен, ласков со стариками, перещеголял молодежь своей живостью, участвовал во всех забавах своего времени, во всех войнах, во всех торжествах. В 50 лет*) он сохранил свою мужественную красоту. Умом своим он был еще 20-летний юноша. Вежливый с равными, ласковый с низшими, развязный с высшими и монархами, он умел обойтись со всяким, ни перед кем не терялся, писал стихи всем дамам... Другой старик с таким беспечным нравом показался бы смешным, но де-Линь был так разнообразен, любезен, остроумен и притом так добродушен, что нравился даже своими недостатками».

Екатерина писала ему еще в сентябре 1786 г.: «Я, наконец, назначила время моего путешествия в Тавриду. Я выеду отсюда в первых числах января, 18 дней буду в дороге до Киева, там терпеливо подожду вскрытия Днепра и тех, кто пожелает сопровождать меня в плавании, в начале апреля. Я употреблю на это, как видите, целых два месяца. Потом я повезу своих спутников в страну, в которой, говорят, обитала некогда Ифигения. Одно название этой страны

*) **Ему было тогда 52 года.**

оживляет воображение; самые разнообразные измышления распускаются по поводу моего пребывания там. Верно то, что я буду очень рада вас снова увидеть; я надеюсь повезти туда множество ваших знакомых и многих министров мира, в присутствии которых не может произойти никакой битвы». В декабре она писала ему опять о своем шествии в полуденные края: «Весьма далека будучи от того, чтобы быть похожею в моем шествии на блистательный образ солнца, как вы выражаетесь, мы принимаем, напротив того, всевозможные предосторожности, чтобы иметь вид очень густых туч, так как каждая из звезд, меня сопровождающих, запаслась хорошей, густого меха черной шубой»...

К этому, из скромности, она прибавила: «желаю, чтоб это путешествие вам не наскучило; мы, ведь, как голова Медузы, приводящая в остолбенение всех, кто видит ее, мы вовсе не составляем приятного общества».

Сегюр рассказывает о де-Лине:

«Он был в большой милости у императрицы. Едва он приехал, как она объявила ему, что жалует его имением в Крыму, на берегу Черного моря, на том самом месте, где, по преданию, находился храм, в котором царевна Ифигения была жрицею».

«Я уже несколько лет был дружен с де-Линем,— прибавляет Сегюр,—и потому более других наслаждался приятною мыслью, что буду иметь в пути такого милого товарища».

Для Сегюра, впрочем, путешествие казалось не про-

стой увеселительной прогулкой. Он опасался, как бы оно не приняло характера серьезной политической демонстрации против турок и не повело бы к войне с ними. «Императрица намеревается короновать в Херсоне внука своего Константина, в надежде возбудить этим в греках желание свергнуть турецкое иго,—писал он французским министрам.—Вслествие этого громадная Оттоманская империя рано или поздно должна рушиться среди ужасов продолжительной междоусобной войны. План этот,—прибавляет французский посол,—казался мне несбыточным, но он встревожит турок, и этого было достаточно, чтобы повести к раздору. Мы в таком случае возбудили бы против себя Россию, и лишились бы надежды когда-либо окончить торговый договор».

Сегюр спешил заключить этот договор и, так как переговоры плохо подвигались вперед,—русские министры тормозили дело, подымая споры то из-за пошлин на французское вино и мыло, то из-за пошлин на русское железо,—Сегюр обратился, наконец, к содействию фаворита Мамонова; сразу все уладилось без труда. «Какая-то тайная сила подействовала на расположение русских министров; Воронцов стал уступчивее, Безбородко—деятельнее, Остерман—любезнее. Все почти перемены, каких желал наш (франц.) двор, были сделаны». После еще нескольких совещаний, договор, выгодный для Франции, был подписан.

Екатерина хотела взять с собой в путешествие старших внуков своих, великих князей Александра и Константина. Родители их, великий князь Павел с

супругой Марией Федоровной, очень противились этому, не желая отпускать на такой долгий срок детей, считая это для себя слишком тяжелым, а для детей—опасным. Они писали императрице: «Мысль быть в разлуке с вашим имп. величеством в течение шести месяцев была уже сама по себе тяжела для нас, но долг принудил нас уважать молчание ваше, государыня, по поводу путешествия этого и скрывать горесть нашу; но известие о данных вами приказаниях касательно приготовлений к путешествию сыновей наших довершило нашу скорбь, ибо уже одна мысль, государыня, быть в разлуке с вами и с ними слишком тягостна для нас... Опасения наши, государыня, основываются на здоровье детей наших, нежный возраст которых возбуждает сомнение, вынесут ли они утомление долгого пути, предпринятого среди зимы, и перемену климата... Путешествие это и сопряженные с ним развлечения могут замедлить успехи их воспитания».

Екатерина отвечала им: «Любезнейшие дети мои! Мать, видя огорчение своих детей, может только советовать им умерить огорчение это... Дети ваши принадлежат вам, принадлежат мне, принадлежат государству. С самого их младенчества я вменила себе в обязанность и за удовольствие считала прилагать о них нежнейшие попечения. Вы неоднократно выражали мне изустно и письменно, что на заботливость мою о них смотрите, как на истинное счастие для детей ваших, и что лучшего для них ничего быть не может. Я нежно люблю их. Вот как я рассуждала: в разлуке с вами для меня будет утешением, чтобы они были близ

меня, из пятерых—трое останутся при вас; неужели же мне одной, на старости лет, в течение 6 месяцев быть лишенной удовольствия иметь при себе кого-нибудь из семьи моей»...

Но судьба смиловалась над родителями; вел. князья заболели корью, и не поехали с императрицей вовсе.

К участию в путешествии были приглашены еще две коронованных особы,—польский король Станислав Понятовский, бывший некогда поклонником Екатерины и из ее рук получивший свою корону,—и германский цесарь Іосиф II, деливший с ней Польшу—и собиравшийся теперь делить Турцию. Они должны были присоединиться позднее, на Днепре.

VII.

ДО КИЕВА.

2 января 1787 г. Екатерина торжественно, при пушечной пальбе, покинула Петербург и выехала в Царское, откуда должна была ехать в Крым. В Царском собрались все участники путешествия и 7 января в раззолоченных экипажах пустились в путь. «Поезд состоял из 14 карет и 124 саней с 40 запасными; на каждой станции нас ожидали,—рассказывает Сегюр,—по 560 лошадей».

Карета императрицы, запряженная 30-ю лошадьми, представляла из себя целый вагон; она состояла из нескольких отделений,—из кабинета, гостиной на 8 человек, игорного стола, небольшой библиотеки, и

была снабжена всякими удобствами. В этой карете сидели с императрицей граф Мамонов, Лев Нарышкин и фрейлина Протасова; «карманные министры»—иноземные послы — приглашались в карету поочередно,— один день там ехал Кобенцель, другой—Сегюр, третий—Фитц Герберт и т. д. По словам последнего, движение возков «было так же плавно и покойно, как движение гондол»: это была настоящая прогулка.

Потемкин не ехал с императрицей: он был на юге и устраивал там все для ее приема. Вместо него руководил всем гр. Безбородко. Весь Большой двор, т.-е. двор императрицы, выехал вместе с нею; выехали и ближайшие служащие ее двора, секретарь Храповицкий с двумя помощниками и двумя курьерами и неизменная камер-юнгфера Марья Саввишна Перекусихина*). Остался в Петербурге только Малый двор,— двор наследника престола и его супруги. Петербург сильно опустел: «Мы походим теперь на провинциальный город,—жаловались петербуржцы,—все вести и дела со двором путешествуют».

«Было 17° мороза, — рассказывает в своих записках Сегюр,—дорога прекрасная, и мы ехали славно. Наши кареты на высоких полозьях как будто летели. Чтобы защищаться от холода, мы закутались в медвежьи шубы, надетые сверх другой более нарядной и богатой, но тоже меховой одежды; на головах у нас были собольи шапки. Таким образом, мы не за-

*) Даже старый вельможа Елизаветы, И. И. Шувалов, ехал с Екатериной в Крым.

мечали стужи, даже когда она доходила до 20°. На станциях везде было так хорошо натоплено, что скорее мы могли подвергнуться излишнему жару, чем холоду. В это время самых коротких дней в году солнце вставало поздно, и через 6 или 7 часов наступала уже темная ночь. Но для рассеяния этого мрака восточная роскошь доставила нам освещение: на небольших расстояниях, по обеим сторонам дороги горели огромные костры из сваленных в кучи сосен, елей, берез, так что мы ехали между огней, которые светили ярче дневных лучей. Так величавая властительница севера среди ночного мрака изрекала свое: пусть будет свет!

«Мы проезжали по обширным снежным равнинам чрез леса сосен и елей, которых ветви, опушенныя инеем, порою при солнечном освещении блистали брильянтами и кристаллами. Можно себе представить— какое необычайное явление представляла на этом снежном море дорога, освещенная множеством огней, и величественный поезд царицы севера со всем блеском самого великолепного двора. В городах и деревнях этот одинокий путь покрывался толпами любопытных горожан и поселян: они, не замечая стужи, громкими криками приветствовали свою государыню.

«Обычный порядок, который императрица ввела в свой образ жизни, почти не изменился во время ее путешествия. В 6 часов она вставала и занималась делами с министрами, потом завтракала и принимала нас. В 9 часов мы отъезжали и в 2 останавливались для обеда; после того снова останавливались

в 7. Везде она находила дворец или красивый дом, приготовленный для нее. Мы ежедневно обедали с нею. После нескольких минут, посвященных туалету, императрица выходила в залу, разговаривала, играла с нами; в 9 часов уходила к себе и занималась до 11-ти. В городах нам отводили покойные квартиры в домах зажиточных людей. В деревнях мне приходилось спать в избах, где иногда от нестерпимой жары нельзя было уснуть».

Народ всюду ожидал матушку царицу. «Бедные поселяне,—продолжает Сегюр,—с заиндевевшими бородами, несмотря на холод, толпами собирались и окружали маленькие дворцы, как бы волшебной силой воздвигнутые посреди их хижин, дворцы, в которых веселая свита императрицы, сидя за роскошным столом и на покойных широких диванах, не замечала ни жестокости стужи, ни бедности окрестных мест. Везде находили мы теплые покои, отличные вина, редкие плоды и изысканные кушанья». В городах устраивалась иллюминация; императрица не совсем была этим довольна и, осведомившись, чего стоила иллюминация, «говорила о пустом блеске и ничего незначущем», как записал ее слова Храповицкий.

Сидя в своей карете, императрица беседовала со своими «карманными министрами»; Сегюр записал несколько таких бесед.

«Екатерина знала, что многие, особенно французы, считали Россию страною азиатскою, бедною, погрязшей в невежестве, во мраке варварства, и любила говорить о своей империи, чтобы рассеять такие обви-

нения. «Как вам нравится мое маленькое хозяйство?— спрашивала она.— Не правда ли, оно понемножку устраивается? У меня немного денег, но, кажется, они употреблены с пользою?».

Другой раз, обращаясь к Сегюру, она сказала: «Я уверена, граф, что ваши парижские красавицы, модники и ученые теперь глубоко сожалеют о вас, что вы принуждены путешествовать по стране медведей, между варварами, с какой-то скучною царицею. Я уважаю ваших ученых, но лучше люблю невежд; сама я хочу знать только то, что мне нужно для управления моим маленьким хозяйством».

«Ваше в-во изволите шутить на наш счет,— возразил Сегюр,—но вы лучше всех знаете, что думает об вас Франция. Слова Вольтера как нельзя лучше и яснее выражают вашему величеству наши мнения и наши чувства. Скорее вы можете быть недовольны тем, что необычайное возрастание вашего маленького хозяйства внушает некоторым образом страх и зависть даже значительным державам».

«Да,— говорила она иногда смеясь,—вы не хотите, чтобы я выгнала из моего соседства ваших детей турок. Нечего сказать, хороши ваши питомцы, они делают вам честь. Что если бы вы имели в Пьемонте или Испании таких соседей, которые ежегодно заносили бы к вам чуму и голод, истребляли бы и забирали бы у вас в плен по 20 тысяч человек в год, а я взяла бы их под свое покровительство, что бы вы тогда сказали? О, как бы вы стали тогда упрекать меня в варварстве!».

«Беседы сменялись веселыми шутками и смехом; скучать было некогда. Несмотря на все однообразие пути, скука была изгнана присутствием любезной императрицы... Иногда по вечерам мы забавлялись играми, сочинением шарад, загадок, стихов на заданные рифмы (буриме). Раз Фитц Герберс предложил мне следующие рифмы: amour, frotte, tambour, note.

Я написал на них следующие стихи:

De vingt peuples nombreux Catherine est l'amour;
Craigner de l'attaquer; malheur à qui s'y frotte!
La renommée est son tambour,
Et l'histoire—son garde-note.

То-есть: «Екатерина—предмет любви 20-ти народов. Не нападайте на нее: беда тому, кто ее затронет. Слава ее—барабанщик, а история—памятная книжка». Эта безделушка понравилась и заслужила себе более похвал, чем иная ода. При дворе, и притом в дороге, все сходит с рук».

В городах, через которые проезжали, надо было «делать приемы и выходы, осматривать заведения, давать советы и поощрительные награды»; на отдых императрице оставалось немного времени (ей было 58 лет). Но императрица была, казалось, неутомима. «Даже сидя в своей карете и оставляя заботы правления, она употребляла досуг свой на то, чтобы пленять нас, и была неистощимо умна, любезна и весела».

В Смоленске пришлось отдохнуть дольше, чем предполагали: все устали, Мамонов расхворался, да и от ветра, дувшего в лицо, у многих болели глаза. Здесь

как и везде, было большое стечение народа. Храповицкий, в беседе с императрицей, упомянул об этом; Екатерина ответила шуткой: «И медведя смотреть кучами собираются».

Когда все поправились, двинулись снова в путь. В Мстиславле устроена была торжественная встреча; знаменитый проповедник, Георгий Конисский, бывший уже в глубокой старости, приветствовал императрицу «молодецкой речью», за которую получил в награду тысячу рублей; он сравнивал Екатерину с солнцем: «Оставим астрономам судить, солнце ли около нас ходит, или мы с землею около его обращаемся. Наше солнце около нас ходит. Исходиши, премудрая монархиня, яко жених исходяй из чертога своего, от края моря Балтийского до края моря Евксинского шествие твое, да тако ни един укрыется благодетельные теплоты твоея. Тецы убо, о солнце наше, спешно! Тецы исполинскими стопами, к западу только жизни твоея не спеши, а в противном случае мы уцепимся за тебя и потребуем, как Иисус Навин: стой, солнце, и не движися, дондеже вся противная намереньям твоим победиши».

Екатерина писала с дороги письма сыну с невесткой, Потемкину в Крым, Гримму. В письмах к Гримму она писала: «Приехала сюда (в Новгород Северский) в добром здоровье и сегодня давала здесь бал, так же, как в Смоленске: вот как мы путешествуем. Завтра я буду обедать в имении фельдмаршала Румянцева»... Из Чернигова между прочим писала об иноземных послах: «мои карманные министры веселы и здоровы».

Марии Федоровне из Нежина рассказывала о покупках: «Мне только что принесли два куска черкасской материи, которые показались мне очень красивыми; голубую с серебром я посылаю вам и внучкам, надеюсь, что ее будет довольно; фиолетовую с серебром—великому князю и внукам моим, и тогда все семеро получат к Пасхе обновку, купленную в Нежине; игрушек же найти нельзя».

VIII.

В КИЕВЕ.

«Я приехала сюда 29 января, при 20° мороза,—писала Екатерина Гримму из Киева,—несмотря на то, не было ни носов, ни ушей отмороженных. Мы провели все эти дни в балах, празднествах, маскарадах (была масляница), а сегодня, в понедельник, слава Богу, начался пост и положил конец всему этому шуму».

«В Киеве для Екатерины,—повествует Сегюр,—построили дворец просторный, изящный и богато убранный. Она принимала в нем духовенство, правительственных лиц, представителей дворянства, купцов и иностранцев, приехавших во множестве в Киев, куда привлекло их величие и новость зрелища, здесь их ожидавшего. В самом деле, им представился великолепный двор, победоносная императрица, богатая и воинственная аристократия, князья и вельможи, гордые и роскошные, купцы в длинных кафтанах, с огромными бородами, офицеры в различных мундирах, зна-

менитые донские казаки в богатом азиатском наряде, татары, некогда владыки России, теперь подданные, женщины и христианки, князь грузинский, повергший к трону Екатерины дань Фазиса и Колхиды, несколько послов от бесчисленных орд киргизов, наконец, дикие калмыки, настоящее подобие гуннов... Весь Восток собрался здесь, чтобы увидеть новую Семирамиду, собирающую дань удивления всех монархов Запада. Это было какое-то волшебное зрелище, где, казалось, сочетались старина с новизною, просвещение с варварством, где бросалась в глаза противоположность нравов, лиц, одежд самых разнообразных».

В Киев явилось много польских панов. «Поляки,— говорит Сегюр,— явились толпами, разумеется, более из страха, чем по привязанности к владычице Севера (первый раздел Польши тогда уже совершился и назревал новый, второй раздел). «Половина Польши здесь,— писала Гримму Екатерина. Явились также французы, кавалер Ламет и граф Дильон; герой американской войны за независимость, Лафайет, «тоже объявил свое намерение явиться ко двору Екатерины, но так как он был выбран в члены собрания государственных чинов, то и не мог выполнить своего намерения. Императрица сожалела об этом; она очень желала познакомиться с ним».

Прибыл в Киев принц де-Линь; он ездил в Вену, возил Іосифу II маршрут путешествия. Блестящее общество, съехавшееся в Киеве, поразило принца, и он писал своей приятельнице—маркизе: «Боже мой! Какой шум! Какое разнообразие! Какое множество

бриллиантов, золота и орденов! Сколько ожерельев, лент, тюрбанов и красивых шапок, низких или высоких и остроконечных. Людовик XIV позавидовал бы во многом сестре своей Екатерине II. Например, сыновья кавказского царя Ираклия доставили бы ему гораздо больше удовольствия, нежели пять или шесть престарелых кавалеров св. Людовика. Сейчас приходят звать меня на фейерверк, который, как говорят, стоит более 40 тысяч рублей».

Стечение иностранцев поражало императрицу. «Что за толпа!—писала она Гримму.—Никогда я ничего подобного не видала». В других письмах она писала: «Ежедневно здесь гостей прибывает, не токмо от окрестных, но и от всех подсолнечных народов. Лишь назовите народ, а мы предъявим здесь в лицах. С роду я столько не видывала, хотя привыкла видеть наций разных. У нас здесь 4 гранда д'Еспань, князья имперские без счета, поляков тьма, англичане, американцы, французы, немцы, швейцарцы; на многих страницах имена их не перечтешь; с роду столько иноязычных я не видала,—даже и киргизы, и те здесь очутились, и все сие по киевским хижинам живет, и непонятно, как умещается. Трудно отгадать, что их привлекло в Киев. Нельзя полагать, чтобы все они были обмануты некоторыми газетами, которые изо всей силы оповещали будущее мое коронование в Тавриде или здесь, о чем я никогда не думала».

Жизнь двора в Киеве шла также шумно и весело, как в Царском Селе: балы, собрания, маскарады начались снова, как только кончился пост. Особенно

торжественно была отпразднована Светлая заутреня. «Двор был чрезвычайно великолепен,—писал очевидец,— это великолепие поразило всех, преимущественно у заутрени, в Печерской лавре». В более тесном кругу, куда допускались лишь избранные, царило всегдашнее веселье. «Раз или два в неделю,—рассказывает Сегюр,—императрица имела собрание при дворе и давала большой бал или прекрасный концерт. В прочие дни стол ее накрывался на 8 или 10 приборов. Трое послов, ее сопровождавших, были ее постоянными гостями, также князь де-Линь и иногда принц Нассау. Вечера мы всегда проводили у нее; в это время она не терпела принуждения и этикета; мы видели не императрицу, а просто любезную женщину. На этих вечерах рассказывали, играли в биллиард, рассуждали об литературе. Однажды государыне вздумалось учиться писать стихи. Целые 8 дней я объяснял ей правила стихосложения. Но когда дошло до дела, то мы заметили, что совершенно напрасно теряли время. Нет, я думаю, слуха, столь нечувствительного к созвучию стиха. Ум ее, обширный в политике, не находил образов для воплощения мечты. Он не выдерживал утомительного труда прилаживать рифмы и стихи. Безуспешность этих опытов, казалось, раздосадовала государыню. Фитц Герберт сказал ей: «Что же делать! Нельзя же в одно время достигнуть всех родов славы; вам должно довольствоваться вашим двустишием, посвященным вашей собаке и вашему доктору:

Ci-git la durchesse Anderson,
Qui mordit Monsieur Rogerson.

(т. е. здесь похоронена герцогиня Андерсон, укусившая г. Роджерсона)». Итак, я отказался от этих уроков поэзии и объявил августейшей моей ученице, что ей надо ограничиться одной прозой».

«Князь де-Линь,—продолжает Сегюр,—не допускал, чтобы скука хоть на минуту водворилась в нашем маленьком кружке. Он беспрестанно рассказывал разные забавные анекдоты и сочинял на разные случаи песенки и мадригалы. Пользуясь исключительным правом говорить, что ему вздумается, он вмешивал политику в свои загадки и рассказы. Хотя веселье его доходило иногда до дурачества, но порой, под видом шутки, он высказывал дельные и колкие истины. Он был привычный царедворец, расчетливый льстец, добр сердцем, мудрец умом. Его насмешки забавляли, но никогда не оскорбляли».

Упражнения в стихотворстве вообще были обычным занятием в этом кругу. Екатерина посылала Гримму то бурные, написанные «в одну минуту» Сегюром на рифмы, заданные Кобенцелем, то стихи, сочиненные де-Линем на рифмы, предложенные Екатериной; «а пока эти господа занимались стихосложением, Красный Кафтан (фаворит Мамонов),—писала Екатерина,—рисовал одного из них (Сегюра) в профиль». Для этого Красного Кафтана были выписаны из Парижа ученые книги,—полное издание сочинений Бюффона,—а пока эти книги не пришли,—все предавались безудержному веселью: «Красный Кафтан и мои карманные министры ужасно шумят: каждый хочет перещеголять другого в шутках и дурачествах,—жаловалась Екатерина.— Господа эти совершенно не стесняются. Они спорят, говорят и смеются все в один голос, а я слушаю и

смотрю и сижу очень смирно в уголке. Да, вот так жизнь! И однако же они называют это очень тихой жизнью; безумные люди!».

Все три посла считались гостями императрицы, и она требовала, чтобы они жили всецело за ее счет. В Киеве им отвели прекрасные помещения,—Сегюру дали целый дом,—и императрица прислала им целый штат прислуги. «Я жил в Киеве,—говорит Сегюр,—своим двором, как любой русский боярин или какой-нибудь потомок Рюрика или Владимира. Когда императрица не приглашала нас к своему столу, что случалось раза два в неделю, мы давали обед у себя. Но скоро нам надоело жить раздельно, и мы согласились сходиться у гр. Кобенцеля, потому что дом его был просторнее и покойнее и мог свободно вмещать большее число гостей. Дом этот, где мы принимали и русских, и иностранцев, принял вид какой-нибудь европейской кофейни, которая была всегда полна, и в которой сходились разноплеменные люди; здесь раздавалась речь на различных языках, и употреблялись блюда, фрукты и вина разных стран. Время проходило в общей беседе или в частных толках о разных предметах, от важнейших до самых обыкновенных».

Екатерина и в Киеве продолжала заниматься делами. Здесь она подписала, между прочим, указ о запрещении дуэлей, которым очень гордилась; здесь же состоялась ратификация торгового договора с Францией, о котором так хлопотал Сегюр. «Произошел,— рассказывает он,—обмен подписанных обоими государями (Екатериной II и Людовиком XIV) актов; ка-

ждый из русских уполномоченных получил от короля по 40 тыс. франков и портрет его величества, осыпанный бриллиантами и стоивший почти столько же; русская и французская канцелярии получили каждая по 1.000 червонцев. Мне императрица тоже подарила свой портрет, осыпанный бриллиантами, прекрасные меха и 40 тыс. франков».

Кроме дел государственных, Екатерина занималась в Киеве серьезным чтением. Она изучала работу английского юриста Блакстона об английской свободе и писала замечания на нее. Храповицкий должен был доставить для императрицы Наказ, составленный ею для Комиссии об Уложении, тому назад 20 лет; Екатерина сличала Блакстона с своим Наказом. Секретарь должен был дополнить справками выписки из книги Блакстона.

И в Киеве Екатерина вела деятельную переписку с сыном, с невесткой и с Гримом. Сын с невесткой осведомляли ее о состоянии здоровья внуков, хворавших корью; маленькие внуки диктовали матери письма к бабушке, и письма эти доставляли ей большое удовольствие; она просила только, «чтобы они вараксали сами»; в свою очередь она отвечала им. Невестке надо было давать советы, как надо лечить детей, и как хорошо «оставлять их одних играть на ковре,—дети всегда очень довольны судьбою, когда их оставляют на воле».

Все это не мешало Екатерине веселиться, как веселились ее «карманные министры». На-ряду с серьезными деловыми письмами, она писала другие, более

легкомысленные. Так, 1 апреля она сочинила шуточное письмо, якобы от г. М. к другу его г. Н., в виде корреспонденции в газеты; в этом послании она так описывала, шутки ради, свое пребывание в Киеве: «С тех пор, как императрица прибыла сюда, она страдает бессонницей и отсутствием аппетита; говорят, что она только и занята мыслью о предстоящем своем короновании в Тавриде. Приготовления к этой церемонии отличаются громадными размерами. Корона будет доставлена из Вены, где над составлением ее трудились ювелиры кабинета его имп. величества, германского императора. Всему свету известно, что эта корона составлена из драгоценных камней, которые выдала сокровищница венская... Французский посланник гр. Сегюр хочет присутствовать при вышеупомянутых празднествах и вообще он в последнее время обнаруживает некоторое расстройство... Газет здесь получается несметное множество; в гостиницах, однако, нет ни столов, ни стульев; иностранцам за обедом не дают ни тарелок, ни ножей, ни вилок. Один остряк на-днях заметил, что русский двор находится в Киеве в таком же выгодном положении, как раки на мели»...

Так подтрунивала Екатерина над собой и своими гостями. Впрочем, письмо это никуда не было отправлено и осталось в черновике.

В Киеве пришлось пробыть три месяца, ждать, когда вскроются реки, и можно будет ехать дальше водой; к тому же Потемкин старался задержать Екатерину подольше в Киеве, чтобы его агенты лучше успели приготовить все к приему императрицы в его намест-

ничестве. Екатерина воспользовалась этим временем, чтобы познакомиться с этим городом святынь. Она аккуратно обошла все святыни, «были в обеих пещерах и прикладывались ко всем мощам», записывал Храповицкий, и после посещения пещер писала Гримму: «Кстати, я должна передать вам поклон от имени великого князя Владимира, которого мощи находятся здесь, в Печерском монастыре».

Вообще же она осталась недовольна Малороссией.

Она «была поражена невзрачным видом зданий в губерниях, состоявших в ведении Румянцева. В особенности, в Киеве нашла она, что улицы грязны и дурно мощены, а постройки вообще в плохом состоянии и лишены всякого изящества. Ей досадно было видеть, что в Киеве не заботились об украшениях, которые она встречала проездом в других, менее значительных городах. Сама она не захотела говорить об этом с фельдмаршалом и поручила Мамонову (фавориту) дать почувствовать ее неудовольствие. Он исполнил щекотливое поручение с возможной осторожностью, и намекнул фельдмаршалу, что государыня ожидала найти такой город, как Киев, в лучшем состоянии. Герой Кагула почтительно и терпеливо выслушал замечание и отвечал: «Скажите ее в-ву, что я—фельдмаршал ее войск, что мое дело брать города, а не строить их, и еще менее их украшать». В тот же вечер слова Румянцева были в точности переданы императрице. Эта великая монархиня, сначала пораженная смелостью ответа, приостановилась, на мгновение задумалась и сказала своему любимцу: «Он

прав. Но пусть же Румянцев продолжает брать города, а мое дело будет строить».

Сегюр с своей стороны объясняет дело интригами Потемкина: «Фельдмаршал не получал никаких средств для управления Малороссией. Труды его подвигались медленно; солдаты его ходили в старой одежде, офицеры напрасно домогались повышения. Все милости, все поощрения падали на армию, над которой начальствовал Потемкин».

IX.

ПОТЕМКИН.

Несколько в стороне от всего двора, не во дворце, а в Печерской обители, не среди царедворцев, а среди монахов, поселился в Киеве Потемкин. Он явился сюда с юга, из Крыма, где готовил все к приему императрицы; он ждал своего часа, чтобы показать Семирамиде Севера все богатство полуденного края, во главе которого он стоял.

Удивительная была карьера Потемкина. Сын небогатого смоленского дворянина, он с юных лет мечтал о блестящем будущем, мечтал сделаться или министром, или архиереем. Учился в Московском университете одним из первых его студентов, был удостоен золотой медали,—и затем исключен за нехождение на лекции, так как слишком увлекся самостоятельным чтением и бросил профессорскую науку. Поступив в военную службу, был гвардейским унтер-офицером, когда разразился переворот, возведший на престол Екатерину, и невольно, в составе своего полка,

оказался участником этого переворота; случайно услужив новой императрице,—подав ей темляк,—вышел сразу в люди, был пожалован в подпоручики и в камер-юнкеры, и награжден 400 душ крестьян. Когда началась первая турецкая война, он был уже камергером,—и пошел на войну волонтером. Заслужив на войне генеральский чин, скоро явился в столицу гонцом от Румянцева, с реляцией о победе,—и имел счастье понравиться императрице; после этого началась между ними переписка. Наконец, в год окончания войны, был выписан к императрице, назначен ее генерал-адъютантом... Это было в 1774 г.

С этих пор милости полились на Потемкина рекой. Екатерина возвела его в графское достоинство, Іосиф II—в князья Римской империи. Сверх того, он получил золотую шпагу с алмазами, портрет императрицы с бриллиантами, был украшен Георгием и андреевской лентой, и польскими, прусскими, датскими и шведскими орденами; не хватало только английского ордена Подвязки. В Петербурге был у него свой Аничков дворец, в Царском Селе—дворец Баболовский. Иностранные министры беседовали с ним о государственных делах; он был как бы главным министром императрицы.

Екатерина высоко ценила Потемкина, считая его настоящим дворянином, неподкупным своим слугой, неспособным ни на какое предательство, и называла своим учеником, своим другом, своим идолом. В письмах она называла его «Папой».

Богатства Потемкина были несметны. Деньги, имения,

крестьяне, дома,—всего этого у него было без числа. В имениях его работало несколько больших фабрик и заводов, стеклянных, зеркальных, суконных и иных,—заводы эти давали громадные доходы. Из своих имений Потемкин поставлял припасы в армию,—это тоже давало большие барыши. В Крыму у него были соленые озера, дававшие до 300 тыс. руб. в год. И, наконец, он мог бессчетно черпать деньги из казны и безотчетно распоряжаться любыми казенными суммами; целые миллионы выдавались по первому его требованию. Сообразно этому, он пользовался и кредитом; банкир Сутерлянд считал за ним сотни тысяч долгу. Даже петербургским извозчикам он задолжал 19 тысяч. Один из его костюмов стоил не много, не мало,—280 тысяч. А однажды у него за обедом были поданы хрустальные чаши, наполненные бриллиантами,—и бриллианты эти раздавались дамам целыми ложками. Это мог себе позволить только Потемкин.

Оставаясь в течение 15 лет главным министром Екатерины, Потемкин был ее руководителем во всех важнейших ее делах, он направлял главным образом внешнюю ее политику. Греческий проект, план изгнания турок из Европы и восстановление Греческой империи, с вел. князем Константином (внуком императрицы) на престоле, создан был Потемкиным; он постоянно вспоминал о цареградских походах Олега и Игоря и мечтал о таких же походах Екатерины. Он особенно настаивал на присоединении Крыма: «поверьте,—писал он в докладе императрице,—что вы сим приобретением бессмертную славу получите и та-

кую, какой ни один государь в России еще не имел. Сия слава проложит дорогу еще к другой и большей славе: с Крымом достанется и господство на Черном море; от вас зависеть будет запирать ход туркам и кормить их или морить с голоду.

«Сколько славно приобретение, столько вам будет стыда и укоризны от потомства, которое скажет: вот она могла да не хотела, или упустила». Крым был прямой дорогой туда же, в Константинополь. Екатерина охотно поддавалась этим внушениям Потемкина и, когда родился второй ее внук Константин, писала о нем: «Этот более нежен, чем старший, и как только его коснется холодный воздух, он прячет свой носик в пеленки; ему хочется, чтоб ему было тепло, чорт возьми... Мы то уж знаем то, что знаем»; а через 2 года приказала выбить медаль с изображением внука Константина—и Черного моря с Царьградом и св. Софией.

Крупным человеком был Потемкин и в военном деле. В противоположность Петру III и Павлу I, затруднявшим солдат непривычной обмундировкой и прической, Потемкин старался всячески облегчить солдат, упростить их военную форму. «Красота одежды военной состоит в равенстве и в соответствии вещей с их употреблением,—писал он, приступая к этим реформам:—Платье чтобы было солдату одеждою, а не в тягость, всякое щегольство должно уничтожить, ибо оно—плод роскоши, требует много времени и иждивения и слуг, чего у солдата быть не может.—Завивать, пудриться, плесть косы—солдатское ли сие дело?

у них камердинеров нет. На что же пукли? Всяк должен согласиться, что полезнее голову мыть и чесать, нежели отягощать пудрою, салом, мукой, шпильками, косами. Туалет солдатский должен быть таков, что встал, то и готов. Если можно было счесть, сколько выдано в полках палок, и сколько храбрых душ пошло от сего на тот свет! И простительно ли, что страж отечества удручен прихотями, происходящими от вертопрахов, а часто и от безрассудных». Современники высоко ценили эти разумные преобразования Потемкина; «Солдаты русские,—говорили они,—никогда не забудут этого». Но этого мало. Он заботился и о сокращении жестоких наказаний, об устройстве солдатских артелей и об умножении лазаретов. Зато офицеры обижались на него, что он всем им говорил обыкновенно «ты», и винили его, что он распустил войска.

Потемкин был также начитанный, просвещенный человек. Он сам еще с юных лет читал книги запоем, особенно его интересовали богословские вопросы, он занимался историей церковных соборов, разделением церквей, расколом. Он читал Плутарха, увлекался одами Пиндара и приказывал переводить их для него; в его библиотеке было до 2 тыс. книг. Сегюр, отправляясь с императрицей в Крым, радовался, что встретится там с Потемкиным и прочтет с ним «несколько греческих трагедий и анакреонтических од» из библиотеки Екатерины (она везла с собой целую библиотеку). Не несведущ был он и в искусствах: ценил живопись, скульптуру, архитектуру,—особенно

«легкость и простоту ионического стиля», а «музыке не учась, был в ней большой знаток»; следил за новыми произведениями музыкантов и посылал новинки, вышедшия из-под пера Сарти. Гримму, со своими примечаниями; гр. Разумовский из Вены собирался прислать ему на службу Моцарта. Не даром поэты называли его меценатом, и сам Державин в оде своей «Водопад» писал о нем:

„Не ты ль наперсником близь трона
У северной Минервы былъ,
Во храме Муз—друг Аполлона,
На поле Марса—вождем слыл;
Решитель дум в войне и мире,
Могущ—хотя и не в порфире".

Самого высокого мнения была о Потемкине Екатерина. Она говорила о нем: «Ах, что за голова у этого человека!—И эта хорошая голова забавна, как дьявол». Это сочетание ей, повидимому, особенно правилось. Иначе судил эту голову германский император Иосиф II, познакомившись лично с Потемкиным (в Петербурге), писал о нем: «Он советник императрицы, но советник несостоятельный. У него мало сведений; к тому же он ленив, и даже сама императрица обращается с ним, как со своим учеником...—Вы можете представить себе, что те лица, которым она это говорит, недостаточно откровенны, чтобы прямо возразить ей: так как, государыня, он ваш ученик, то он вам не делает чести». Сегюр подробно анализировал Потемкина: «Никогда еще ни при дворе, ни

на поприще гражданском или военном не бывало царедворца более великолепного и дикого, министра более предприимчивого и менее трудолюбивого, полководца более храброго и вместе нерешительного. Он представлял собою самую своеобразную личность, потому что в нем непостижимо смешаны были величие и мелочность, лень и деятельность, храбрость и робость, честолюбие и беззаботность. Везде этот человек был замечателен своею странностью. Но за пределами России и без особенных обстоятельств, доставивших ему благоволение Екатерины II, он не только не мог бы приобрести такую огромную известность и достичь до такого высокаго сана, но едва ли бы дослужился до сколько-нибудь значущего чина... До мечтательности честолюбивый, он воображал себя то курляндским герцогом, то королем польским, то задумывал основать духовный орден, или просто сделаться монахом. То, чем он обладал, ему надоедало; чего он достичь не мог, возбуждало его желания. Ненасытный и пресыщенный, он был вполне любимец счастья, и также подвижен, непостоянен и прихотлив, как само счастье». «Баловнем счастья»—называл себя и сам Потемкин.

«Иногда он обнаруживал гений орла, иногда легкомыслие ребенка,—писал о нем дальше Сегюр.—Великие предметы заставляли его действовать, мелочи останавливали его действия; никто не составлял какой-либо проект столь быстро, как он; никто не исполнял своих проектов столь медленно и не отказывался от их исполнения столь легко, как он. Занявшись устройством фабрик, он после о них не заботился; купив

что-либо, он сейчас готов был продать эту вещь; часто он опрокидывал то, что только им самим было построено. Музыка или какое-либо стихотворение отвлекали его от занятия каким-либо политическим вопросом; своим легкомыслием он часто лишался доверия, необходимого при делах, требующих последовательности и постоянства». Воронцов жаловался, что он самые важные бумаги оставляет на своем письменном столе, так что государственные дела не остаются в тайне.

Это какой-то пучек противоречий,—думаешь невольно, читая характеристику Потемкина, сделанную де-Линем. В самом деле, вот как он описывает главного министра Екатерины: «Показывая вид ленивца, трудится беспрестанно; не имеет стола, кроме своих колен, другого гребня, кроме своих ногтей; всегда лежит, но не предается сну, ни днем, ни ночью; беспокоится прежде наступления опасности и веселится, когда она настала; унывает в удовольствиях; несчастен от того, что счастлив; нетерпеливо желает и скоро всем наскучивает; философ глубокомысленный, искусный министр, тонкий политик, и вместе избалованный 9-летний ребенок; любит Бога, боится сатаны, которого почитает гораздо более и сильнее, нежели самого себя; одною рукою крестится, а другою приветствует женщин; принимает бесчисленные награждения и тотчас же их раздает; лучше любит давать, чем платить долги; чрезвычайно богат, но никогда не имеет денег; говорит о богословии с генералами, а о военных делах с архиереями; по очереди имеет вид вос-

точного сатрапа, или любезного придворного века Людовика XIV, и вместе изнеженного сибарита. Какая же его магия? Гений, потом и еще гений; природный ум, превосходная память, возвышенность души, коварство без злобы, хитрость без лукавства, счастливая смесь причуд, великая щедрость в раздаянии наград, чрезвычайная тонкость, дар угадывать то, что он сам не знает, и величайшее познание людей; это настоящий портрет Алкивиада». Его можно сравнивать то с Ахиллом,—говорит де-Линь,—то с Терситом. «В нем есть много исполинского, романтического и варварского». «Великий человек, велик умом, велик и ростом»,—говорил о Потемкине Суворов и прибавлял при этом, что у него чердак хорошо меблирован. «Полуобразованный и полудикий гений, Потемкин наполнил мир своею славой», писал о нем еще один его современник, гр. Рибопьер.

И внешность Потемкина полна тех же противоречий, той же двойственности. Он—самый прочный фаворит самой непостоянной из женщин,—а, между тем, он совсем не хорош собой,—даже больше, «он страшен и противен»,—рассказывают о нем современники. Громадного роста, непропорционально сложенный, со смуглой кожей, ноги у него кривые, один глаз косой, другой слепой,—он потерял его в ссоре с Алексеем Орловым, неизвестно каким образом; «одноглазый циклоп»,—называют его придворные. Не мудрено, что его нельзя было убедить позволить с себя написать портрет, как об этом свидетельствует Екатерина. И манеры его не изящны; в Эрмитаже для посетителей

тесного круга императрицы были выработаны особые шутливые правила, как надо вести себя,—там специально для Потемкина был такой параграф: «Просят быть веселыми, но ничего не уничтожать, не разбивать и не кусаться». В минуты хандры от светлейшего всего можно было дождаться...

X.

РУССКИЙ КНЯЗЬ—И ФРАНЦУЗСКИЙ ГРАФ.

Посол французского короля, граф Сегюр, не забыл своей первой аудиенции у Потемкина. Светлейший князь принял его необычно. «Я письменно просил князя дать мне аудиенцию,—рассказывает Сегюр:—в назначенный мне день я явился, велел доложить о себе и сел в приемной зале, где дожидалось несколько русских вельмож и граф Кобенцель. Мне было неприятно дожидаться. Прошло с четверть часа, а дверь все еще не отворялась; я еще раз велел доложить о себе. Мне объявили, что князь еще не может меня принять; тогда я сказал, что мне некогда ждать, вышел, к удивлению всех присутствующих, и преспокойно отправился домой.

«На другой день я получил от Потемкина письмо, в котором он извинялся в своей неисправности и назначал мне новое свидание. Я явился к нему, и на этот раз, только что я вошел, как был тотчас же встречен князем; он был напудрен, разодет, в кафтане с галунами, и принял меня в своем каби-

нете». Его очень заинтересовал американский орден, которым был украшен посол; «так как он очень любил ордена, то несколько раз брал в руки, перевертывал и рассматривал мой орден Цинциннати, и хотел непременно знать, что это за орден... Заговорив о любимом предмете, он целый час почти толковал со мной о разных русских и европейских орденах».

С тех пор русский князь и французский граф подружились, и Сегюр бывал запросто у Потемкина; тот просил его «быть друзьями и бросить всякие церемонии». Теперь в Киеве Сегюр не раз посетил Потемкина. Эти посещения были отнюдь не похожи на прием при дворе Екатерины. «Если кто подымался в Печерский монастырь, чтобы посетить Потемкина, который там расположился,—рассказывает Сегюр,—то подумал бы, что он присутствует при аудиенции визиря в Константинополе, Багдаде или Каире. Там господствовало молчание и какой-то страх. По врожденной ли склонности к неге, или из притворного высокомерия, которое он считал уместным обнаруживать, этот могущественный и прихотливый любимец Екатерины, изредка показываясь в фельдмаршальском мундире, покрытом орденами с бриллиантами, весь в шитье и галунах, расчесанный, напудренный,—чаще всего ходил в халате на меху, с открытой шеей, в широких туфлях, с распущенными и нечесанными волосами; обыкновенно он лежал, развалясь на широком диване, окруженный множеством офицеров и значительнейшими сановниками империи; редко приглашал он кого-нибудь садиться и почти всегда усердно

играл в шахматы, а потому не считал себя обязанным обращать внимание на русских или иностранцев, которые посещали его.

«Я знал эти странности. Но так как большая часть присутствовавших не знала об искренней взаимности, которая водворилась между нами, то, признаюсь, мое самолюбие иногда страдало, когда мне приходило на мысль, что иностранцы увидят посла французского короля принужденным подчиняться, вместе с прочими, высокомерию и причудам Потемкина. Но, чтобы не возбудить ложных толков, я поступил следующим образом: когда я приехал к нему, и обо мне доложили, я вошел и, видя, что князь сидит за шахматами, не удостоивая меня взглядом,— я прямо подошел к нему, обеими руками взял и приподнял его голову, поцеловал его и попросту сел подле него на диван. Эта фамильярность немного удивила зрителей, но так как Потемкину она не показалась неуместной, то все поняли мои отношения к нему».

Сегюр продолжал следить за отношениями России к Турции. Потемкин, по его мнению, хотел войны; Сегюр делал все, чтобы предупредить войну. Светлейший не раз говорил послу: «Стало быть решено, что ваша нация, самая образованная в мире, будет всегда защитницей изуверов и невеж. И все под предлогом торговых выгод, которые могли бы быть вполне заменены для вас приобретениями в Архипелаге. Вся Европа вправе обвинять Францию, которая упорно охраняет в недрах ее варварство и чуму». Сегюр отвечал на это, что французский король стремится

сохранить всеобщий мир, а падение Турции вызвало бы всеобщую войну в Европе. «Пусть так,—говорил Потемкин,—если уж вы непременнно хотите сохранить чуму и полагаете, что христианское государство или греческие республики будут менее благоприятны для вашей торговли, нежели гордые, своевольные и высокомерные мусульмане. Но, по крайней мере, вы бы должны были согласиться, что турок должно стеснить в более естественных, приличных им границах для избежания беспрестанно ожидаемых войн».—«Понимаю,—отвечал Сегюр.—Вам нужен Очаков и Аккерман, это почти то же, что требовать Константинополь»...

«В те дни, в которые князь Потемкин не принимал гостей, или лучше сказать, не разыгрывал роль азиатского владыки, я любил бывать у него по-домашнему, видеть его, окруженного любезными племянницами и друзьями. Это был другой человек, правда, всегда причудливый, но остроумный и умевший всегда придать занимательность разговорам самым разнообразным».

Здесь, за завтраком у светлейшего, Сегюру пришлось однажды быть свидетелем любопытной сцены, как сам князь с племянницами и друзьями старались приобрести контрабандой драгоценные кружева, провезенные из-за границы, минуя русскую таможню; провез их в своей карете один из служителей французского посла, которого пропустили через таможню без осмотра. «Раз завтракаю я у Потемкина с его племянницами и несколькими посторонними лицами,—рассказывает Сегюр,—и вдруг замечаю, что некоторые из присутствующих беспрестанно уходят в со-

седнюю комнату и тщательно притворяют за собою двери. Всякий раз, как я пытался тоже войти туда, одна из племянниц князя задерживала меня под каким-либо предлогом. Это еще более подстрекало мое любопытство; я при удобном случае ускользнул, поспешно отворил дверь и увидел—на большом столе, окруженном любопытными и покупателями, целую огромную кучу разных запрещенных товаров, которые мой камердинер показывал, всячески выхваляя их достоинство и объявляя цену. Мое появление поразило всех. Князь, любопытные зрители, покупатели, все были виновны и пойманы на деле. Мой торговец, озадаченный, начал скорее собирать свои вещи. Я принял на себя гневный вид, выбранил контрабандиста и объявил ему, что отказываю ему от места. Напрасно дамы старались меня уговорить и упрашивали простить его; я целый час крепился, но, наконец, должен был уступить, когда сам князь, первый министр, просил у меня помилования виновного. «Что же делать,— сказал я,— когда, к удивлению моему, вы сами в числе виновников и укрывателей».

XI.

«ФЛОТ КЛЕОПАТРЫ».

«Зима миновала. Днепр избавился из ледяных оков своих; природа, сбросив траурный покров и засияв блеском весны, подавала Екатерине знак к отъезду,— рассказывает Сегюр.—Мы отпраздновали день ее рождения. Помолясь усердно в Печерском монастыре,

императрица раздала много наград, лент, бриллиантов и жемчугу. Де-Линь сказал: «Киевская Клеопатра не глотает жемчугов, а раздает их во множестве».

«Наконец, 22 апреля императрица пустилась в путь на галере, в сопровождении великолепнейшей флотилии, которая когда-либо шла по широкой реке. Она состояла из 80 судов с 3 тыс. чел. матросов и солдат. Впереди шли 7 нарядных галер огромной величины, искусно расписанных, с множеством ловких матросов в одинаковой одежде. Комнаты, устроенные на палубах, блистали золотом и шелками. Каждый из нас имел комнату и еще нарядный и роскошный кабинет, с покойными диванами, с чудесною кроватью под штофною занавесью и с письменным столом красного дерева. На каждой из галер была своя музыка. Множество лодок и шлюпок носились впереди и вокруг этой эскадры, которая, казалось, создана была волшебством.

«Мы подвигались медленно, часто останавливаясь, и, пользуясь остановками, садились на легкие суда и катались вдоль берега, вокруг зеленеющих островков, которыми усеяна река. Множество народа громкими кликами приветствовало императрицу, когда, при громе пушек, матросы мерно ударяли по волнам Бирисфена (Днепра) своими блестящими, расписанными веслами. Порою на береговых равнинах Днепра маневрировали легкие отряды казаков. Города, деревни, усадьбы, а иногда простые хижины так были изукрашены цветами, расписанными декорациями и триумфальными воротами, что вид их обманывал взор, и они представлялись

какими-то дивными городами, волшебно созданными замками, великолепными садами... Когда мы подъезжали к большим городам, то перед нами выравнивались строем превосходные полки, блиставшие красивым оружием и богатым нарядом. Противоположность их щегольского вида с наружностью румянцевских солдат уже доказывала нам, что мы оставляем область этого маститого, знаменитого воина и вступаем в места, которые судьба подчинила власти Потемкина»...

Сегюр помещался на одной галере с принцем де-Линем. Это было приятное соседство. «Де-Линь, будучи 20 годами старше меня,—рассказывает Сегюр,—удивлял меня живостью своего воображения и юношеским умом. Рано утром будил он меня стуком в тонкую перегородку, которая отделяла его кровать от моей, и читал экспромты в стихах и песенки, только что им сочиненные. Немного погодя, его лакей приносил мне письмо в 4 и 6 страниц, где остроумие, шутка, политика, любовь, военные анекдоты и эпиграммы мешались самым оригинальным образом. Он требовал немедленного ответа.

«Мы были свободны только по утрам,—и приятно проводили их в чтении, в разговорах, в переходах с одной галеры на другие и в прогулках по берегам. В час мы отправлялись на царскую галеру и обедали с императрицей. Стол ее, как всегда, был накрыт на 10 приборов. Только раз в неделю она сзывала всю свиту, имевшую честь сопровождать ее. Тогда стол устраивался на огромном судне, где помещалось до 60 человек».

После обеда разыгрывались небольшие пьески, «поговорки», как это называлось, в каюте или в спальне императрицы; Кобенцель был неистощим на эти забавы, приятно разнообразившие досуг. Вообще веселье царило в этом веселом обществе. «Я никогда не видал императрицы более любезною, как в первый день нашего плаванья,—рассказывает Сегюр;—за обедом было очень весело; мы все рады были, что выехали из скучного Киева, где льды держали нас целые 3 месяца. Весна молодила наши умы. Прекрасная погода, великолепие нашего флота, величественная река, движение, радость зрителей, толпившихся по берегу,—все это возбуждало и подстрекало воображение».. «Если бы нас спросили в то время, когда мы садились на суда,—писал принц де-Линь своей приятельнице в Париж,—что хотят они делать на этих галерах?—мы могли бы отвечать: забавляться во что бы то ни стало; ибо никогда не было столь блистательного и приятного плавания».

Плавание шло, однако, не вполне гладко. «Днепр положил всевозможные старания, чтобы замедлить путешествие,—жаловалась Екатерина;—вместо 9 дней, мы находились на нем 2 недели». Иногда по случаю непогоды приходилось останавливаться на целые сутки.

Галеру императрицы однажды прижало к берегу, в другой раз она села на мель. «С нами все случалось,—писал де-Линь,—даже и буря, от которой 3 галеры сели на мель». Тем не менее, плавание всем доставляло удовольствие, и Екатерина выражала сожаление, что не здесь выстроен Петербург.

Сегюр записал беседы, какие велись во время этого плавания с императрицей. «В разговорах наших,— рассказывает он,—мы беспрестанно переходили от одного к другому. Мы сравнивали прежние времена с новыми, Францию с Грецией, Англию с Карфагеном, Пруссию с Македонией, империю Екатерины с Кировою империей, рассказывали анекдоты старые и новые; императрица сообщила нам несколько случаев из жизни Петра Великого и Елисаветы. Однажды зашла речь о качествах самой императрицы. «Я знаю,— сказала она,—я вообще вам нравлюсь, и вы хвалите меня целиком, но, разбирая меня поподробнее, вы осуждаете во мне многое. Я беспрестанно делаю ошибки против языка и правописания. Сегюр знает, что у меня иногда претупая голова, потому что ему не удалось заставить меня сочинить 6 стихов. Без шуток, я думаю, несмотря на ваши похвалы, что, если бы я была частной женщиной во Франции, то ваши милые парижские дамы не нашли бы меня довольно любезною для того, чтобы отужинать с ними».—«Прошу вас вспомнить, государыня,—возразил Сегюр,—что я здесь представитель Франции, и не должен допускать клевет на ее счет».

Но императрица, бывшая в духе, продолжала в том же тоне: «Как вы полагаете, чем бы я была, если бы родилась мужчиной и частным человеком?» В ответ на это Фитц Герберт сказал, что она была бы мудрым законоведцем, Кобенцель полагал, чтобы сделалась великим министром, а я уверял ее, что она сделалась бы знаменитым полководцем. «На этот раз вы

ошибаетесь,— возразила она:— я бы отважилась на все для славы, и в чине поручика в первую кампанию не снесла бы головы».

«В другой раз мы говорили о предположениях, которые тогда делались в Европе по поводу ее путешествия. Мы все были одинакового мнения и уверяли, что везде будут думать, будто она с императором (Iосифом II) хочет завоевать Турцию, Персию, даже может быть Индию и Японию, наконец, что странствующий кабинет Екатерины занимает и тревожит все прочие кабинеты».

«Стало быть, этот петербургский кабинет, находящийся теперь на волнах Днепра, кажется весьма значительным, если так тревожит другие?»

«Так точно, государыня,— сказал тогда де-Линь,— а, между тем, я не знаю ни одного, который был бы так мал: он и весь то в несколько дюймов, потому что простирается от одного виска до другого и от переносицы до волос».

Однажды зашла речь о неумении императрицы писать стихи. Она сказала «карманным» своим министрам: «Видите, господа, вы хвалите меня вообще за все; но если рассмотрите подробнее, то, конечно, станете бранить. Пожалуйте заметьте, я обязана частью моей славы князю Орлову. Он присоветовал мне послать флот в Архипелаг. За Тавриду и за изгнание татар, угрожавших моему государству, я должна благодарить князя Потемкина. Я беру на свой счет только то, что образовала сих господ. За победы должна я признательностию фельдмаршалу Румянцеву. Верьте мне,

что я только счастлива, если мною сколько-нибудь довольны, так это потому, что я несколько тверда и одинакова в моих правилах». Она говорила также: «Я уверена, что обо мне худо говорят в Европе. Твердят беспрестанно, что я готова разориться, что я много издерживаю. Нет нужды, маленькое мое хозяйство идет своим порядком».

Екатерина любила ссылаться на пример Петра Великого. «Во время путешествия,—рассказывает де-Линь,— она всегда имела при себе табакерку с портретом Петра I. «Я спрашиваю у себя каждый день, говорила она, что бы сей великий человек приказал, что бы стал делать и что бы стал запрещать, будучи на моем месте».

Часто, однако, разговор переходил на другие, менее политические темы. Де-Линь передает такую сцену: «Императрица сказала нам вчера за столом: «Для меня кажется странно, отчего вы, означающее множественное число, вошло в употребление, и для чего изгнали ты?»—Оно еще не совсем изгнано, в. в., и может быть употребляемо между великими особами, что Богу во всех молитвах также говорят.

«— Скажите, для чего ж вы обходитесь со мною с большею церемониею? Посмотрим, я вам тем же буду отвечать. Будешь ли ты со мною так говорить?—сказала она обер-шталмейстеру.

«— Для чего же не так,—отвечал он,—если только ты сама будешь со мною учтивее.

«Тут полились целые тысячи ты, одни смешнее других. Я свои мешал с именем величества, твоего

величества было уже для меня довольно. Другие не знали, что сказать, и величество, осыпанное грубыми ты, возвращая оное обратно, несмотря на сие, имела вид владычицы Всероссийской и почти всех частей света».

XII.

«ГРАФ ПОНЯТОВСКИЙ».

«Я выехала 22 этого месяца из Киева,—писала императрица Гримму,—и вот уже три дня, как мы плывем на веслах по Борисфену: все, слава Богу, здоровы. Нового ничего не могу вам сказать, кроме того, что изо всех моих плаваний это кажется самое затруднительное, потому что река так извилиста, на ней столько островов и островков, столько мелей, что до сих пор мы вовсе не употребляли в дело парусов; она гораздо быстрее Невы. Теперь мы между двумя берегами, из которых один принадлежит Польше; этот очень горист;—русский же берег совершенно низменный. Бог знает, откуда пойдет это письмо. Надеюсь завтра или послезавтра видеть на своей галере короля польского».

Еще раньше, из Киева, в марте месяце, Потемкин ездил в Фастов и виделся там с польским королем. Это было предварительное свидание; Потемкин уверил короля в готовности императрицы, насколько это возможно, исполнить желание короля. Теперь в Каневе предстояло свидание императрицы с прежним ее поклонником. Новый фаворит, Мамонов, делал вид,

что жестоко ревнует к нему Екатерину. Сегюр и де-Линь едва удерживались, глядя на это, от смеху; королю было 55, а Екатерине 58 лет.

Художник Линдсей изобразил акварелью флот Екатерины в тот момент, когда он подходил к Каневу. Впереди 3 больших парусных судна одинаковой величины и одинаково окрашенные красной краской и позолотой. На их палубе—павильоны с большими окнами; над павильонами—площадки, на которых помещены в боевом порядке солдаты. Первая из галер, по имени «Днепр»—принадлежит государыне. Бок о бок с ней стоит «Буг»,—с кн. Потемкиным и его племянницами; несколько позади третья барка, «Десна», служит столовой. За ними гуськом следуют остальные галеры.

«Флот наш,—рассказывает Сегюр,—остановился под Каневым, в котором выставлены были польские войска, в богатых мундирах, с блестящим оружием. Пушки с кораблей и из города возвестили прибытие обоих монархов. Екатерина послала на красивой шлюпке несколько генералов встретить короля польского. Король, чтобы избавиться от затруднительного этикета, хотел сохранить инкогнито и сказал посланным, которые его сопровождали: «Господа, король польский поручил мне представить вам графа Понятовского».

«Когда он вступил на императрицыну галеру, мы окружили его, желая заметить первые впечатления и слышать первые слова двух державных особ, которые находились в положении, далеко несходном с тем, в каком они были некогда. Но мы обманулись в

наших ожиданиях, потому что, после взаимного поклона, важного, гордого и холодного, Екатерина подала руку королю, и они вошли в кабинет, в котором пробыли с полчаса»... Когда они вышли, «в его глазах виднелся отпечаток грусти, которую не скрыла его принужденная улыбка».

На большой галере был устроен парадный обед. «За обедом мало ели, мало говорили, только смотрели друг на друга, слушали прекрасную музыку и пили за здравие короля, при грохоте пушечного залпа. По выходе из-за стола, король взял из рук пажа перчатки и веер императрицы и подал ей. После того он стал искать и никак не мог найти своей шляпы; императрица, заметив это, велела принести шляпу и подала ее королю. Принимая ее, Станислав сказал: «Когда-то, в. в., вы пожаловали мне другую шляпу, которая была гораздо лучше этой» (он намекал на данную ему Екатериной польскую корону).

«Мы возвратились на царскую галеру. Король пробыл еще немного времени и в 8 часов уехал в Канев».

«Когда наступила ночная темнота,—продолжает Сегюр,—каневская гора зарделась огнями; по уступам ее была прорыта канава, наполненная горючим веществом; его зажгли, и оно казалось лавою, текущею с огнедышащей горы; сходство было тем разительнее, что на вершине горы взрыв более 100 тысяч ракет озарил воздух и удвоил свет, отразившись в водах Днепра. Флот наш тоже был великолепно освещен, так что на этот раз для нас не было ночи». «Пред-

ставление Везувия, продолжавшееся во все то время, которое мы стояли на якоре перед окнами короля, освещало горы, долины и воды лучше, нежели самое блестящее солнце среди дня,—добавляет де-Линь,— и позлащало или воспламеняло всю природу. Мы забывали, что тогда была ночь».

Прием королю был оказан достаточно холодный. «Король дал великолепный бал,—императрица отказалась участвовать в нем. Станислав упрашивал ее остаться еще хоть сутки;—Екатерина сказала ему, что боится опоздать и заставить ждать императора (Іосифа II), который должен был съехаться с нею в Херсоне... Пора милостей для короля миновала». (Сегюр). Король просил Потемкина уговорить императрицу, чтобы она осталась еще в Каневе и согласилась у него отобедать; светлейший пытался ее убедить, но тщетно; Екатерина отвечала ему: «Когда я что определяю, тогда обыкновенно бывает то не на ветру, как в Польше часто случалось; итак, еду завтра, как назначила, а ему желаю всякого благополучия... Право, батенька, скучно». «Отъехав несколько верст, были довольны, что избавились вчерашнего беспокойства. Кн. Потемкин ни слова не говорил; принуждена была говорить беспрестанно; язык засох; почти осердили, прося остаться. Король торговался на 2, на 3 дня или хотя для обеда на другой день».

Так минуло это свидание... «Король дожидался нас при Каневе,—рассказывает де-Линь,—он прожил тут 3 месяца и 3 миллиона, для свидания на 3 часа с императрицей»...

Это было за несколько лет до второго раздела Польши.

XIII.

КРЕМЕНЧУГ.

30 апреля флот императрицы прибыл в Кременчуг. Здесь начиналась уже Новороссия; путешественники вступали в наместничество Потемкина. Тут должен был светлейший развернуть свое старание и свое искусство царедворца и декоратора во-всю.

Сойдя при пушечной пальбе на берег, императрица в карете проследовала в дом, специально приготовленный для ее пребывания. Потемкин вместе с другими начальствующими лицами ехал верхом возле кареты. Вечером того же дня устроена была великолепная иллюминация, в разноцветных огнях.

На другой день, по утру, во время высочайшего выхода в большую залу, «предстал императрице преосвященный Амвросий, арх. Екатеринославский и Херсонеса Таврического, и говорил речь, изъявляющую радость всего полуденного края, восхищенного посещением монархини, превратившей неплодные пустыни в обитательные села и грады. Затем, когда императрица шествовала к обеденному столу, представлены были и жалованы к руке депутаты осетинского народа, племен, просящих св. крещения.. Обед был в новопостроенной пространной зале. Во время стола играл оркестр, составленный из 186 певцов и разных музыкантов, исполняя с совершенным успехом италианскую кантату, для сего знаменитого случая сочиненную ка-

пельмейстером Сартием. Когда смеркалось, зажжена была иллюминация, и сад с ближнею рощей, различными огнями освещенные, показывали много приятных видов». Так повествует официальный журнал путешествия.

Сегюр дополняет эту сухую картину личными своими впечатлениями. «Скучное пребывание в Киеве, зима и, в особенности, недовольный вид Румянцева расположили к грусти веселую императрицу. По высадке нашей в Кременчуге иная картина представилась взорам ее: весна, оживив природу, придала предметам праздничный вид, и светлая, прелестная зелень украшала все, даже болота. Дом обширный, красивый, построенный и расположенный по вкусу Екатерины, английский сад, в котором волшебным образом князь Потемкин насадил огромнейшие деревья; прекрасный вид, украшенный тенистой зеленью, цветами и водой; 12 тысяч вновь снаряженного войска; собрание всего дворянства губернии в богатых нарядах и купцов, съехавшихся со всех концов империи; наконец, повсеместное движение после 3-месячного покоя и близость к цели этой необыкновенной поездки, занявшей внимание Европы: вот чем открылись для меня эти новые зрелища».

«Потемкин, необыкновенный всегда и во всем, явился здесь столько же деятельным, сколько был ленив в Петербурге. Как будто какими-то чарами умел он преодолевать все возможные препятствия, побеждать природу, сокращать расстояния, скрывать недостатки, обманывать зрение там, где были лишь однообразно-

песчаные равнины, дать пищу уму на пространстве долгого пути и придать вид жизни степям и пустыням. Станции были размещены таким образом, что путешественники не могли утомиться; флот останавливался всегда в виду селений и городов, расположенных в живописных местностях. По лугам паслись многочисленные стада; по берегам располагались толпы поселян; нас окружало множество шлюпок с парнями и девушками, которые пели простонародные песни, одним словом, ничего не было забыто».

В Кременчуге были устроены большие маневры, с участием 45 эскадронов конницы и многочисленной пехоты; «я редко видывал такое прекрасное и блестящее войско», замечает Сегюр. Екатерина в письмах к Еропкину и Салтыкову писала тоже: «Здесь я нашла 3 легко-конных полка, про которых покойный Панин и многие иные старушенки говорили, что они только на бумаге, но вчерась я видела своими глазами, что те полки не карточные, но в самом деле прекрасные».

Все вообще, что видела здесь Екатерина, все, что показывал ей маг и волшебник—Потемкин,—вызывало у нее восторг и восхищение. «В Кременчуге нам всем весьма понравилось,—писала она Салтыкову:—наипаче после Киева, который между нами не получил п а р т и з а н а, и если бы я знала, что Кременчуг таков, как я его нашла, я бы давно переехала... Чтобы видеть, что я не попусту имею доверенность к способностям фельдмаршала кн. Потемкина, надлежит приехать в его губернии, где все части устроены как

возможно лучше и порядочнее: войска, которые здесь, таковы, что даже чужестранные их хвалят неложно; города строятся, недоимок нет. В трех же малороссийских губерниях оттого, что ничему не давано движения, недоимки простираются до миллиона; города мерзкие, и ничто не делается».

Свое удовольствие императрица сочла долгом высказать главному его виновнику, Потемкину; она сказала ему: «От Петербурга до Киева мне казалось, что пружины моей империи ослабли от употребления; здесь оне в полной силе и действии». (Сегюр).

В самом веселом настроении покидала императрица Кременчуг. «Еслиб вы знали,—писала она Гримму,—что говорится и творится ежедневно на моей галере, вы помирали бы со смеху. Все эти люди, путешествующие со мною, так ко мне привыкли, что чувствуют себя, как дома».

XIV.

ІОСИФ II.

В Херсоне Екатерина должна была съехаться с германским императором Іосифом II.

Представитель блестящего дома Габсбургов не в первый раз собирался посетить Россию. Он был уже в гостях у Екатерины 7 лет назад, в 1780 г. Это была политическая поездка: Австрии надо было «отторгнуть Россию от союза с Пруссией»; австрийские дипломаты старались «восстановить прежние дружеские отношения между императорскими дворами», и для этого

должны были «не щадить ни труда, ни денег». Для этого же ездил в Россию и Іосиф, тогда еще бывший наследником престола.

Іосиф приезжал под именем графа Фалькенштейна и встретился с Екатериной в Могилеве; затем он побывал в Москве, и вторично посетил императрицу в Петербурге и в Царском Селе. Екатерина с большим интересом и даже как будто страхом готовилась к этому приему царственного соседа; она жаловалась сыну, что потеет от одной мысли о предстоящей встрече; когда же свидание состоялось, она старалась хорошенько изучить гостя. Граф Фалькенштейн очень понравился Екатерине; она была пленена его любезностью, его красноречием и образованием. «Я не кончила бы, если бы стала хвалить его,—писала Екатерина Гримму.—Это голова самая основательная, самая глубокая, самая просвещенная, какую я знаю. Ну, уж кто его опередит, тому придется вставать рано. Если вам с ним случится разговаривать, он овладеет всем вашим слухом, и вы не наслушаетесь его». Чтобы понравиться Екатерине, Іосиф велел отслужить панихиду за упокой души Вольтера...

Говорили тогда и о политике. Екатерина спросила гостя, не собирается ли он, как будущий император, завладеть Римом. Он ответил ей в том же тоне, что ей легче захватить второй Рим (т.-е. Константинополь), чем ему первый. Второй Рим не сделался достоянием Екатерины; но Іосиф не помешал ей приобрести Крым, проникнуть к Черному морю. За это нужно было быть благодарной. Теперь предстояла вновь война

с Турцией; надо было о многом столковаться; Іосифу следовало ознакомиться с силами России, с готовностью ее к войне. Особенно важно было увидеть вновь приобретенные Новороссию и Тавриду. Туда он и уехал теперь на свидание с Екатериной.

Еще в августе предыдущего года Екатерина известила Іосифа о своем предполагаемом путешествии на юг, во время которого она надеялась с ним свидеться, но сделала это неофициально, и даже недостаточно вежливо, в приписке к письму, между прочим. Іосиф, скандализованный такой странной формой приглашения, решил «дать почувствовать Цербстской принцессе, превращенной в Екатерину, что не следует располагать императором с таким пренебрежением и невниманием», и ответ свой послал ей тоже в приписке к письму. Затем, решив ехать, он изменил тон и засыпал Екатерину выражениями своего восторга, своего восхищения, что он снова ее увидит. Он приедет в Россию, не как император, а как простой дворянин, приедет лишь для того, чтобы тысячу раз повторить Екатерине, как он ее уважает. Он считает дни и часы, оставшиеся до этого свидания. У него даже делается сердцебиение, когда он услышит название Херсона. Екатерина с своей стороны не оставалась в долгу, тоже считала дни и минуты, и поздравляла себя, что такой опытный знаток и беспристрастный судья увидит, наконец, ее империю.

XV.

СВИДАНИЕ ДВУХ МОНАРХОВ.

Екатерина обедала на своей галере, когда пришло известие «о вступлении в границы Российские знаменитого путешественника графа Фалькенштейна». Знаменитый путешественник проехал прямо в Херсон, осмотрел там постройки,—новую крепость, верфи и магазины,—и на другой день выехал навстречу Екатерине. Надо было спешить принимать гостя, а препятствия и задержки на пути умножались. «По причине сильно упорствующих ветров, галеры и прочие суда, флотилию составляющие, не могли продолжать плавания своего». Императрица, узнав о выезде императора из Херсона, «переехала на берег, и в экипажах, с малою свитою отправилась навстречу ему». Они встретились у одинокого казацкого хутора.

Екатерина в письме к Гримму описывала эту встречу: «7 мая я узнала на своей галере, что граф Фалькенштейн скачет во весь опор ко мне навстречу. Тотчас и я вышла на берег, чтоб с своей стороны поскакать навстречу к нему. И вот мы оба так хорошо скакали, что встретились среди поля нос к носу. Первое слово, им сказанное мне: «Вот теперь все политики сбиты с толку, никто не видит нашего свидания». Он был с своим посланником (гр. Кобенцелем), а я с князем де-Линем, Красным Кафтаном и графиней Браницкой. Величества сели в одну карету и проскакали 30 верст до Кайдаков.

«Пока мы рыскали по полю, мы рассчитывали,— один из нас (Іосиф II) на мой обед, а другая—на обед князя Потемкина, который, готовясь к основанию нового города (Екатеринослава), чтоб выиграть время, постился, и хотя мы нашли его вернувшимся из своей экспедиции, но обеда не было. Однако же нужда изобретательна: князь Потемкин вздумал сам обратиться в кухмистера, принц Нассауский в поваренка, великий генерал Браницкий в пирожника, и вот с самого коронования обоих величеств они еще никогда не были так почетно и вместе так дурно угощаемы; несмотря на то, все ели, смеялись и довольствовались кое-каким обедом».

На другой день, в присутствии обоих монархов, состоялось давно подготовленное торжество. «9 мая,— рассказывает Сегюр,—мы расположились в палатках, в 8 верстах от Кайдака, на месте, где императрица хотела построить Екатеринослав. В царском шатре отслужили молебен, и государи совершили закладку собора нового города в чрезвычайно красивой местности. Он должен был быть построен на высоте, с которой далеко виден извивающийся Днепр, с его лесистыми островками»...

Граф Фалькенштейн остался не очень доволен порядками, какие царили во флоте императрицы. Он писал фельдмаршалу Ласси: «Трудно выразить царствующий в этом путешествии беспорядок. Высадка на берег была трудна и продолжительна. На судах больше вещей и людей, чем имеется экипажей и лошадей. Один мчится вперед, другим приходится сле-

довать. Путешествие на суше сопровождается невообразимым беспорядком; часть экипажей еще на судах; всякий берет кибитку, местный экипаж, и тащит в нее свой багаж. По этим беспредельным равнинам мчатся, сломя голову, по 6, по 8 экипажей в ряд, и хотя делают всего по 4 перегона в день, ломают экипажи, теряют посуду, матрацы и багаж в этих степях, и затем всего этого не хватает. Еды много, но большей частью отвратительной, холодной, жесткой. Наконец, если бы не любезность императрицы и нескольких человек, особенно иностранцев, общество которых терпимо, это было бы настоящим отбыванием наказания».

Но и Екатерина высказывала недовольство гостем. Храповицкий занес в свои записки несколько ее замечаний по его адресу. «Все вижу и слышу,—говорила Екатерина,— хотя не бегаю, как император. Он много читал и имеет сведения; но, будучи строг против самого себя, требует от всех неутомимости и невозможного совершенства; не знает русской пословицы: мешать дело с бездельем;—двух бунтов сам был причиною. Тяжел в разговорах. Принц де-Линь, будучи под личиною любезности самым глубоким философом, его перевертывает».

При всем том, наружно отношения между монархами оставались самыми дружественными, и Іосиф делал все, чтобы заслужить расположение Екатерины; Сегюр рассказывает, как австрийский император держал себя с фаворитами русской императрицы: «Стараясь понравиться Екатерине, он расточал Мамонову очень частые

знаки внимания и благосклонности, терпел даже прихотливое высокомерие Потемкина, и не раз, подобно придворным императрицы, довольно долго ожидал выхода князя в его приемной»...

XVI.

ХЕРСОН.

С Днепра, по пути к Херсону, Екатерина писала Еропкину и Салтыкову: «Хорошо видеть сии места своими глазами, нам сказали, что наедем на жары, несносные человечеству, а мы наехали на воздух теплый и ветер свежий, весьма приятный и самый весенний; степь, правда, что безлесная, но слой земли самый лучший и такой, что без многого труда все на свете произведет; почиталась она безводною, а мы видели повсюду ручьи и речки, при которых поселений уже не в малом числе. Здешние жители все без изъятия имеют вид свежий и здоровее, нежели киевские, и кажутся работящее и живее»...

12 мая прибыли в Херсон. Императрица въехала в город в великолепной колеснице, вместе с императором и Потемкиным. Народ отпряг лошадей, и на себе ввез государыню в город. Затем пошли приемы, обеды, балы. Пять дней прожили в Херсоне, и остались, повидимому, довольны. Екатерина писала Еропкину: «Мы приехали в Херсон. Дитя сие не существовало 8 лет назад. Сначала проехали каменные казармы 6 полков, потом повернули направо, въехали в кре-

пость, которая за себя постоит, внутри крепости военные строения многие окончены; некоторые приходят в отделку; церковь каменная, прекрасная. Выехав из крепости, повернули мы в адмиралтет, в котором все магазины и строения каменные, крыты железом. На стапеле нашли мы готовый 80-ти пушечный корабль, который в субботу, даст Бог здоровье, на воду спустим; возле него 66-ти пушечный, почти готовый; возле сего фрегат 50-ти пушечный. Сии корабли из моего дома, из той комнаты, в которой я вам пишу, видны, и сад сего дома возле адмиралтейства и стапеля. Купеческого города, который с другой стороны составляет предместье, я еще не видала; но сказывают—не хуже; народу здесь, окромя военных, великое множество и разноязычные из большей части Европы»...

Сегюр рассказывает о Херсоне: «После поездки по 400-верстному пространству, нас неожиданно поразил вид Херсона. Но и без этого обстоятельства мы не могли не дивиться при виде стольких новых, величественных зданий. Мы увидели почти уже оконченную крепость, казармы на 24 тыс. человек, адмиралтейство со всеми принадлежностями ,арсенал, заключающий в себе до 600 орудий, два военные корабля и фрегат, снаряженные к спуску, публичные здания, воздвигаемые в разных местах, несколько церквей прекрасной архитектуры, наконец, целый город, уже торговый, с 2 тысячами домов и лавками, полными греческих, константинопольских и французских товаров; в гавани его заходили и стояли до 200 купече-

ских судов... Понятно удивление присутствующих и восторг, с какими они превозносили дарование и подвиги Потемкина».

Впрочем, Сегюр не все в Херсоне одобрял в равной мере. «Очарование было мимолетное, и удивление наше охладилось размышлением. Рассмотрев Херсон вблизи, и подробно, мы заметили, что его местоположение дурно выбрано, что корабли вообще не могут подыматься по Днепру иначе, как без груза, а военные суда, здесь построенные, не могут свободно спускаться по реке без помощи камелей. Не было ни набережной, ни пакгаузов для товаров; наконец, испарение болот и островков возле города вредно действовали на здоровье жителей»...

15 мая, в присутствии ее величества и графа Фалькенштейна, «спущены были на воду построенные при Херсонском адмиралтействе два военные корабля и один фрегат: 80-ти пушечный корабль наименован «Іосиф II». («Это галантно»,— заметила Екатерина), 66 пушечный «Владимир» и фрегат 50 пушечный «Александр». Спуск этот был обставлен богато. «Чрез Днепр,—рассказывает очевидец,—заранее были построены три пловучие моста с перилами, для защиты от солнца и дождя снабженные крышей, которая была покрыта зеленою клеенкой. Между обоими крайними местами, на которых помещались зрители, находились подмостки, с которых должны были сойти корабли. Средний помост, предназначенный для императрицы, гр. Фалькенштейна и высших знатных особ, отличался великолепием и с большим вкусом прибранными укра-

шениями. «Парчи, золотые бахромы, гирлянды, жемчуги и цветы украшали балдахины, сооруженные на берегу для их величеств»,—прибавляет де-Линь.—«От императорского дворца до верфи, находившейся почти в полуверсте, путь был уравнен и покрыт зеленым сукном, на 2 сажени в ширину... Государыня явилась запросто, в сером суконном капоте, с черною атласной шапочкой на голове. Граф Фалькенштейн также был одет в простом фраке. Князь Потемкин, напротив, блистал в богато вышитом золотом мундире, со всеми орденами»...

В Херсон явился из Константинополя русский посол Булгаков, и происходили важные совещания о турецких делах; это был настоящий конгресс. У Потемкина было тут собрано большое войско,—больше 150 тысяч. Турки с своей стороны устроили морскую демонстрацию,—их эскадра явилась около устья Днепра; Екатерине пришлось отложить предположенную поездку в Кинбурн. Войны, однако, не ждали еще так скоро.

Іосиф II удостоил Сегюра своими беседами. «Днем гулял он по окрестностям, и так как я,—рассказывает Сегюр,—имел счастье ему понравиться, он делал далекие прогулки вместе со мною, запросто, взяв меня под руку. В разговорах со мною он дал мне понять, что мало сочувствовал честолюбивым замыслам Екатерины. В этом отношении политика Франции ему нравилась. «Константинополь,—говорил он,—всегда будет предметом зависти и раздоров, вследствие которых великие державы никогда не согласятся насчет раздела

Турции». Его не поражали быстрые успехи русских предприятий. «Я вижу более блеска, чем дела,—говорил он,—Потемкин деятелен, но он более способен начать великое предприятие, чем привести его к окончанию. Впрочем, все возможно, если расточать деньги и не жалеть людей. В Германии или во Франции мы не посмели бы и думать о том, что здесь производится без особенных затруднений».

Такие прогулки повторялись потом, в степи, когда путешественники двинулись дальше к Крыму. На одной остановке, вечером, «когда разошлись от императрицы, Іосиф II, желая воспользоваться прекрасной ночью, взял меня под руку и отправился со мною гулять. Мы довольно долго ходили по этой обширной равнине, где взор не находил преград. При виде нескольких верблюдов и татарских пастухов, бродивших в степи, император сказал мне: «Какое странное путешествие. Кто бы мог подумать, что я вместе с Екатериной II, с французским и английским посланниками буду бродить по татарским степям. Это совершенно новая страница в истории».

— «Мне скорее кажется,—отвечал Сегюр,—что это страница из тысячи и одной ночи, что меня зовут Джафаром, и что я прогуливаюсь с халифом Гарун аль Рашидом, по обыкновению своему переодетым»...

XVII.

ТАВРИДА.

17 мая выехав из Херсона, Екатерина через 2 дня вступила в Крым, названный вновь, как в древние времена, Тавридой. При самом въезде, явился навстречу отряд татарских всадников, богато одетых и вооруженных: «Монархиня,—рассказывает Сегюр,—пожелала, чтобы во время ее пребывания в Крыму ее охраняли татары,—презиравшие женский пол, враги христиан и недавно лишь покоренные ее власти. Этот неожиданный опыт доверчивости удался, как всякий отважный подвиг.

«Согласитесь, любезный Сегюр,—сказал мне, смеясь, де-Линь,—что 12 тысяч татар, которыми мы окружены, могли бы наделать тревоги на всю Европу, если бы вздумали вдруг потащить нас к берегу, посадить на суда августейшую государыню и могущественного римского императора и увезти их в Константинополь, к великому удовольствию его величества Абдул Гамета, владыки и повелителя правоверных!..» К счастию, эти мысли не пришли на ум великодушным сынам Магомета».

Сама Екатерина писала Гримму, по приезде в Бахчисарай, 21 мая: «Вчера, около 6 часов, после обеда, прибыли сюда все в добром здравии и самом веселом расположении духа; во всю дорогу нас сопровождали татары... Это было превосходное зрелище:—окруженные спереди, с боков и сзади, в открытой

карете, в которой сидело 8 человек, мы въехали в Бахчисарай и вышли прямо в дом ханов; там мы помещены между минаретами и мечетями, где кричат, молятся, поют и вертятся на одной ножке 5 раз каждые 24 часа. Мы все это слышим из своих окон...— О! Какое странное явление—наше пребывание здесь! Кто? Где?»

Сегюр описывает пребывание в Бахчисарае: «Их императорские в-ва заняли большие ханские покои. Фитц Герберт, Кобенцель, де-Линь и я поместились в комнатах сераля; к ним примыкал красивый сад, окруженный высокою стеною. Единственной мебелью в этих комнатах были широкие диваны вдоль всей стены. Средину комнаты занимало вместилище для воды из белого мрамора с фонтаном, беспрерывно струившим поток чистой, свежей воды. Комната была полуосвещена, стекла в окнах были расписаны; когда мы отворяли окно, то и тогда лучи солнца едва проникали чрез густые ветви розовых, лавровых, жасминных, гранатовых и померанцевых дерев, закрывавших окна своею зеленью и заменявших нам занавеси.

«Я помню, что раз лежал я на моем диване, расслабленный чрезвычайным жаром и наслаждаясь журчанием фонтана, прохладою тени и запахом цветов. Я предался восточной неге и замечтался, как истый паша. Вдруг вижу пред собою маленького старичка, в длинной одежде, с белою бородою и с красной шапочкой на лысой голове. Наружность его, вид покорности и азиатский поклон дополнили мое очарование, и я на несколько минут вообразил себя совер-

шенным мусульманским владыкой, к которому какой-нибудь ага или бостанджи явился за приказаниями»... (Это оказался садовник ханский, и Сегюр взял его себе в проводники). «Он провел меня по всем извилистым проходам восточного дворца... Покоренные магометане не смели ни в чем нам отказывать, и мы вошли в мечеть в молитвенное время»...

«Императрица провела в Бахчисарае только 5 дней. Удовольствие выражалось во всех чертах лица ее: она наслаждалась гордостью государыни, женщины и христианки при мысли, что заняла трон ханов, которые некогда были владыками России»...

Де-Линь писал из Бахчисарая: «Я в гареме последнего крымского хана. Судьба избрала для меня комнату прелестнейшей его султанши, а Сегюру—первого из его черных евнухов... В чертогах наших, которые сооружены отчасти в арабском, китайском и турецком вкусе, находится множество водоемов, маленьких садиков, живописи, позолоты и надписей; между прочими, в просторной и великолепной зале изображено золотыми буквами, на турецком языке, вокруг карниза следующее: «Вопреки зависти, целый свет уведомляется, что ни в Испагане, ни в Дамаске, ни в Стамбуле нет такого богатства, как здесь».

«С самого Херсона,—продолжает де-Линь,—мы везде встречали жилища среди степей, очаровательных своим азиатским великолепием. Я не знаю более, где и в каком веке я нахожусь. Когда вижу воздымающиеся и движущиеся горы, то почитаю это мечтою: вместо того табуны драмодеров, поднимаясь на высокие ноги свои,

походят в некотором расстоянии на горы, приведенные в движение. Не сии ли звери, сказал я сам себе, служили экипажем трем королям для славного путешествия в Вифлеем! Я при каждой встрече с юными кавказскими князьями, облитыми серебром, на конях блистательной белизны, думаю, не во сне ли это вижу. Когда вижу их вооруженных луками и стрелами; то переношусь в древние времена Кира... Из окон древнего Крыма, из коего сделали дворец для того, чтобы провести в нем одну ночь, открываю я прелестнейшие виды в двух частях света, простирающиеся почти до Каспийского моря: мне кажется, это может служить уподоблением искушению сатаны, который не мог бы показать ничего лучшего нашему Спасителю...

«Мне еще кажется мечтою то время, когда сижу в 6-местной карете, похожей на торжественную колесницу, украшенную вензелями из дорогих каменьев, между двумя великими особами, и когда, усыпленный от жару, часто склоняю голову на плеча их и, пробуждаясь, слышу следующий разговор товарищей моих: «У меня 30 миллионов подданных, считая только мужской пол.—А у меня 22 со всеми,—отвечает другой.—Мне надобно,—продолжает первый,—по крайней мере 600 тысяч войска от Камчатки до Риги.—Мне будет довольно и половины,—отвечает другой».

«Однажды, в Бахчисарае Екатерина вспомнила о стихах, которые она пробовала писать в Царском Селе, под руководством Сегюра, и сказала: «Послушайте, господа, я запрусь одна в своей комнате: и вы

увидите». Вот что она нам вынесла; она не могла продолжать далее: Sur le sopha du Kan, sur des coussins bourrés, dans un Kiosque d'or, de grilles entourés (т. е. на ханской софе, на набитых подушках, в киоске из золота, окруженном решетками)... Больше четырех часов размышляла в уединении Екатерина, стараясь придумать что-нибудь еще, но тщетно, и так и вышла потом с этими двумя строками»... рассказывает де-Линь.

Стихи не давались Екатерине. Но это не мешало ей быть в восторге ото всего, что она видела. Храповицкий занес в свой дневник: «Говорено с жаром о Тавриде. Приобретение сие важно; предки дорого бы заплатили за то». Еропкину императрица писала: «Весьма мало знают цену вещам те, кои с унижением бесславили приобретение сего края. Херсон и Таврида со временем не только окупятся, но надеяться можно, что если Петербург приносит 8-ю часть дохода Империи, то вышеупомянутые места превзойдут плодами бесплодных мест».

XVIII.

КРЫМСКИЙ ПОМЕЩИК.

Крымский помещик—принц де-Линь. Еще когда он только что прибыл в Петербург, чтобы участвовать в путешествии Екатерины, государыня объявила, что «жалует его землей в Крыму,—у Черного моря, на том самом месте, где, по преданию, находился храм, в котором царевна Ифигения была жрицею».

Достигнув с императрицею Крыма, принц отделился от всей компании и поехал на южный берег, где лежало его поместье. С увлечением описывал он, в письмах к маркизе К., свою поездку.

«На сребристом берегу Черного моря, на краю того обширного потока, в который сливаются все воды Четырдаха, под тенью двух древних ветвистых орешников, при подошве скалы, на которой виден еще столп, печальный остаток Дианина храма, прославившегося жертвоприношением Ифигении; неподалеку от сей скалы, с которой Тоас низвергал чужеземцев, наконец, в самом прелестнейшем и любопытном месте вселенной, я пишу теперь.

«Сижу на турецком ковре, на земле разостланном, окруженный татарами, которые смотрят на меня, как я пишу, поднимают от удивления глаза к небу, какбудто на другого Магомета.

«Вижу счастливые берега древней Идалии и Натолии; фиговые, пальмовые, оливковые, абрикосовые и персиковые цветущие деревья разливают вокруг меня сладкие ароматы, скрывая от взоров знойные лучи солнца; морские волны переливаются у ног моих светлыми чешуями. Усматриваю, позади себя, сквозь деревья, жилища, построенные в виде амфитеатра, моих диких, которые, сидя спокойно на своих плоских кровлях, служащих вместо балконов, курят табак; их кладбище дает понятие о полях Елисейских. Мирное жилище усопших означается камнями, которые увенчаны чалмоносными, позлащенными и мраморными огромными урнами. Разнообразие всех сих видов, питающих во-

бражение, отнимает у меня силу писать. Простершись на ковре своем, я погружаюсь в размышление...

«Нет, не могу различить того, что происходит в душе моей; чувствую себя обновленным невидимой силой. Удалившись от пышности, великолепия, шумных торжеств, утомительных забав и двух самодержавных особ Севера и Запада, коих я оставил на другом краю высоких гор, наслаждаюсь, наконец, во всей полноте самим собой. Спрашиваю у себя, где я? И каким случаем зашел сюда? Повторяю снова размышления свои о непостоянстве моей жизни...

«Ночь будет прекрасная. Море, утомленное дневным движением, стоит неподвижно и представляет на гладкой поверхности своей прекрасное зеркало, в котором я вижу свое изображение. Вечер хорош чрезвычайно; я ощущаю в мыслях моих ясность, блистающую на небе и на море».

Принцу приходят на память исторические события и имена, связанные с этими местами: «Может быть, тут писал Овидий, может быть, сидел на том самом месте, где я сижу теперь... Вот Порт Эвксинский, принадлежавший некогда Митридату... Собираю здесь, близ сего древнего Херсона, отломки алебастровых столпов; встречаю остатки водяных спусков и стены, представляющие окружность Парижа и Лондона вместе. Оба сии города исчезнут, подобно ему... Возвращаясь назад, начинаю одобрять праздность добрых мусульман моих, сидящих на кровлях, сложа крестообразно руки и ноги. Нахожу между ними одного албанца, который несколько разумеет по-итальянски; приказываю

ему спросить у них, счастливы ли они, или могу ли я быть им полезен, и знают ли они, что императрица мне их пожаловала? Они велели мне сказать, что они до сих пор очень счастливы, и что в случае перемены сядут на два корабля, которые сами построили, и отправятся на них на свою сторону, к туркам. Они показывают мне своих овец, лежащих на траве; я благославляю беспечных; показывают свои плодовитые деревья, и уведомляют через переводчика, что когда наступит время собирания плодов, то каймакан приезжает из Бахчисарая брать половину оных... Благословляю беспечных, обещаю им защищать их от притеснений. Они мне приносят масло, сыр и молоко.

«Начинаю делать разные замыслы. Наскучив всем, что есть известного, для чего мне здесь не остаться? Я преобразую сих татарских мусульман, приучив их пить вино, а дому своему придам вид чертогов, на которые издалека станут смотреть мореплаватели; построю 8 виноградных павильонов с колоннадами и баллюстрадами, которые скроют собой их кровли. Тотчас начертываю план всему тому, чтобы немедленно было изготовлено...

«Наступает вечер. Ночные тени начинают уже помрачать дневной свет, солнце склоняется к западу; стада, пасующиеся близ меня, вызывают татар, которые спокойно сходят с своих кровлей, гонят их домой, чтоб запереть вместе с своими женами, сидевшими целый день взаперти. Крикуны с вершины своих минаретов зовут в мечеть. Положив руку на сердце, благословляю беспечных, прощаюсь с ними, оставляя

их равно удивленными видеть меня своим властелином, и узнать желание мое, чтобы всегда сами собою управлялись.

«Я успокаиваю встревоженный дух мой, собираю рассеянные мысли. С сердечным умилением взираю на сии прелестные места, которых не увижу больше никогда, и которые доставили мне день, приятнейший в моей жизни. Поднявшийся внезапно прохладный ветер не позволил мне отправиться в шлюпке, которая бы должна была везти меня морем в Феодосию. Сажусь на татарскую лошадь и, следуя проводникам своим, предаюсь опасностям ночи, дороги и рек, чтобы переправиться чрез высокие горы и там найти их имп. величества в Карасубазаре».

XIX.

СЕВАСТОПОЛЬ.

Между тем Екатерина со всем двором прибыла из Бахчисарая в Инкерман. «Здесь,—рассказывает Сегюр—высокие горы полукружием огибают широкий и глубокий залив, где некогда стояли древние города Херсонес и Евпатория... Эту пристань императрица назвала Севастополем»...

Тут Потемкин приготовил свой главный сюрприз. «Их величества сидели за столом, при звуках прекрасной музыки, когда внезапно отворились двери большого балкона, и взорам нашим представилось величественное зрелище: между двумя рядами татарских

всадников мы увидели залив, верст на 12 в даль и на 4 в ширину; посреди этого залива, в виду царской столовой, выстроился в боевом порядке грозный флот, построенный, вооруженный и совершенно снаряженный в 2 года. Государыню приветствовали залпом из пушек, и грохот их, казалось, возвещал Понту Евксинскому о присутствии его владычицы и о том, что не более, как через 30 часов, флаги ее кораблей могут развеваться в виду Константинополя, а знамена ее армии—водрузиться на стенах его». Это неожиданное зрелище было рассчитано и на Іосифа II, чтобы показать ему, как приготовилась к новой войне Россия.

После обеда обоим величествам подали шлюпку, нарочно выписанную из Константинополя, точь-в-точь такую же, в какой катался турецкий султан, и они поехали в Севастополь; с кораблей встретили их пушечной пальбой. «Мы спустились в залив,—рассказывает Сегюр — Екатерина обозревала корабли свои и дивилась глубине и ширине залива, вырытого природою будто с намерением устроить здесь прекраснейшую пристань в мире. Проехав залив, мы пристали к подножию горы, на которой полукружием возвышался Севастополь, построенный Екатериной. Несколько зданий для складки товаров, адмиралтейство, городские укрепления, 400 домов, толпы рабочих, сильный гарнизон, госпиталь, верфи, пристани, торговая и карантинная,—все придавало Севастополю вид довольно значительного города. Нам казалось непостижимым, каким образом в 2 тысячах верст от столицы,

в недавно приобретенном крае, Потемкин нашел возможным воздвигнуть такие здания, соорудить город, создать флот, утвердить порт и поселить столько жителей: это действительно был подвиг необыкновенной деятельности.

«Три корабля, спущенные при нас в Херсоне, и другие из Таганрога должны были прибыть сюда вскоре. Но, между тем, в заливе уже стояла эскадра из 25 военных кораблей, совершенно вооруженных, снабженных всем нужным и готовых по первому мановению Екатерины тотчас же стать под паруса».

Екатерина писала Гримму: «Право, все это до того похоже на сказку из 1001 ночи, что не знаешь, находишься ли на яву, или во сне. Граф Фалькенштейн, кажется, очень доволен всем, что видит»...

Севастополь понравился и графу Фалькенштейну. По крайней мере, австрийскому фельдмаршалу гр. Ласси он писал: «Севастополь—красивейший порт, какой я когда-либо видел. В нем могут удобно поместиться 150 кораблей, в совершенной безопасности от всяких случайностей со стороны моря и от неприятеля, который никогда не отважится проникнуть в бухту, защищаемую тремя батареями. Выходить из бухты в море можно при трех ветрах. Есть отдельная гавань для торговых судов, другая для карантина и третья для починки и килования судов.

«Настроено уже много домов, магазинов, казарм, и если будут продолжать таким образом в следующие 3 года, то, конечно, этот город сделается очень

цветущим. Все это очень не по шерсти французскому посланнику, и он смотрит страшно озадаченным.

«Обыкновенный переезд отсюда в Константинополь совершается в двое суток, а иногда даже только в полтора суток. Судите же, мой любезный маршал, на какие неприятные размышления все это должно наводить моего собрата, повелителя правоверных, который никогда не может быть уверен, что эти молодцы не явятся, не ныне, завтра,—разгромить у него окна пушечными выстрелами.

«Императрица находится в восторженном состоянии по поводу всего, что она видит, и при мысли о новой степени величия и могущества, на которую она возводит Русскую Империю. Князь Потемкин в настоящее время всемогущ, и его чествуют выше всякого представления. Будь у меня возможность так близко придвинуться к Берлину, да будь пруссаки такие же олухи, как турки, я бы не устоял против желания отделаться от таких соседей».

Екатерине хотелось также узнать мнение представителя Франции, Сегюра. Она спрашивала его, что он думает об этом. «Ваше величество,—отвечал он,—загладили тяжкое воспоминание о Прутском мире... Вы подчинили татар, прежних поработителей России... Основанием Севастополя вы довершили на юге то, что Петр начал на севере. Вам остается один только славный подвиг,—одержать победу над природой, населить и оживить все эти завоеванные земли и обширные степи, чрез которые мы недавно проезжали».

В Севастополе явился к Екатерине посланец с

острова Мальты: Гросмейстер мальтийских рыцарей слал русской императрице свои дары,—пальмовую ветвь с кустом цветов, трофеями украшенным, в знак победоносного приобретения Тавриды. Екатерина отдала эту ветвь Потемкину, основателю Севастопольской гавани, а он послал ее на корабль «Слава Екатерины».

После Севастополя путешественники посетили еще некоторые города Тавриды,—Симферополь, Карасубазар, Судак, Старый Крым, Феодосию или Кафу. Потемкин всюду умел показать товар лицом. Особенно хорошо была устроена встреча в Карасубазаре. «Кроме прекрасной широкой дороги, которую он пробил и выровнял трудами своих солдат, он с их же помощью развел на берегу Карасу обширный английский сад и посреди его выстроил изящнейший дворец. Здесь уже не Армида чаровала Ринальда; напротив, русский Ринальд совершал диво для своей Армиды».

Здесь была устроена блестящая иллюминация: когда вечером Екатерина вышла из дворца, чтобы насладиться прохладною тенью, свежестью воды и запахом цветов, все пригорки на 10 верст кругом вспыхнули тремя рядами разноцветных огней; посреди этого горящего круга возвышалась конусообразная гора, на которой яркими чертами блистал вензель императрицы. Из вершины горы вспыхнул прекрасный фейерверк, завершенный взрывом 300 тысяч ракет».

В Кизикермене, по выезде уже из Крыма, Іосиф II расстался с Екатериной, и русская Семирамида со своим двором направила свой путь на север...

Уехала Екатерина—опустели и выстроенные для нее

дворцы. Не прошло года с ее отъезда,—и там, где пировала Северная Семирамида,—водворилась мерзость запустения. Дворцы были обворованы, вещи растасканы, попорчены и изъедены мышами, в садах бродили стада, в покоях образовались течи, штукатурка обвалилась, крыши грозили падением. Единственными памятниками пребывания в Крыму Екатерины остались каменные мили по крымским дорогам, да и тех немного, триумфальные ворота в Бахчисарае, фонтан в Старом Крыму, да дольше других стоял дворец в Севастополе. Уцелели еще старые плошки—от горевших когда-то иллюминаций...

XX.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕМЫ.

В Крыму, до отъезда оттуда в обратный путь, Сегюр не раз беседовал на политические темы с графом Фалькенштейном. В это время возобновились обычные их прогулки по степи, какие были еще раньше, на пути в Крым из Херсона, Іосиф II довольно откровенно высказывал своему собеседнику, что он думал о замыслах Екатерины, о Потемкине и вообще о России.

«Моя уступчивость во время завоевания Крыма,—говорил Іосиф,—заставляет вас думать, что я соглашусь на новые завоевания. Вы ошибаетесь: я искренне желаю сохранения мира. Занятие Крыма русскими меня не потревожило: единственным последствием этого было унижение турок; у них отнята была возможность начать

наступательную войну. К тому же я находил в этом свои выгоды... Но теперь совсем другое дело. Я не допущу русских утвердиться в Константинополе. Для Вены, во всяком случае, безопаснее иметь соседей в чалмах, нежели в шляпах».

Впрочем, Іосиф отдавал должное могуществу русской императрицы и признавал, что в других вопросах турки должны будут уступить ее требованиям. «Вы видите, государыня увлекается... Если турки отказом вооружат против себя императрицу, то кто может воспрепятствовать ей отомстить и взять у них несколько городов? У нее огромное, бодрое, неутомимое войско. Она пройдет, куда она захочет»...—«Вдали от столицы пробивают дороги, устраивают пристани, строятся на болотах, воздвигают дворцы, разводят парки среди степей, и все это делается без платы, без покрова, иногда без пищи и всегда без ропота. Из всех монархов Европы императрица одна только действительно богата. Она много повсюду издерживает и не имеет долгов; ассигнации свои она оценивает, во сколько хочет; если бы ей вздумалось, она могла бы ввести кожаные деньги. Между тем, Англия обременена своими бумажными деньгами. Франция публично признала расстроенное положение своих финансов; а я едва могу покрыть издержки на новые крепости, которые строятся».

«Все эти затруднительные обстоятельства,—говорил Сегюр,—тем более должны побудить императора всячески стараться избегнуть разорительной войны».

«Так как мы часто,—продолжает Сегюр,—разгова-

ривали о том же предмете, я всегда старался доказывать ему, что могущество России более кажущееся, нежели твердое. «Здесь более блеска, чем прочности,— говорил я,— за все берутся, ничего не довершают. Потемкин легко бросает то, за что принялся с жаром; на месте Екатеринослава он заложил город, который будет необитаемым, и огромный храм, в котором, может-быть, не будут никогда молиться. Для постройки этой новой столицы он выбрал место высокое, видное, но совершенно безводное. Херсон построен на неудобном месте и окружен болотами. Корабли не могут входить туда с грузом. В последние 10 лет степи опустели больше прежнего. Крым лишился более двух третей своего населения. Кафа разорена и не поднимется. Один Севастополь теперь довольно значителен; но нужно много времени, чтобы он стал настоящим городом. Позаботились все украсить, нарядить, оживить на срок, на показ императрице; но лишь только Екатерина уедет, то вместе с нею исчезнут все прикрасы этого обширного края. Я знаю князя Потемкина. Он произвел театральный эффект, и занавес опускается, а он займется новыми представлениями в Польше или Турции. Управление и все, что требует постоянства, несомненно с его нравом. Начни он войну, и война бы ему скоро надоела; дождавшись Георгиевской ленты, он с таким же жаром будет домогаться мира, как теперь старается его нарушить».

«Я с этим согласен,—сказал император,—нас здесь отвлекали от одного очарования к другому. В сущ-

ности же здесь многого недостает; внешность действительно блестяща... В России приказание исполняется немедленно. Если бы какой-нибудь Карл XII был во главе этого народа, он бы с 600,000 человек заставил трепетать всю Европу».

XXI.

ШАЛОСТЬ.

Не одни важные, политические вопросы занимали спутников Екатерины. Сегюр рассказывает о наивной шалости, какую он и де-Линь себе позволили, когда были еще в Бахчисарае.

«Естественно,—повествует Сегюр,—что, когда мы жили в серале ханском, наружность, самый воздух этих сладострастных покоев возбуждали наше воображение. Любопытство де-Линя, который был моложавее в 50 лет, нежели я в 30,—вовлекло меня в шалость, к счастию, не имевшую тех последствий, каких можно было ожидать; однако, мы получили строгий и заслуженный урок.

«Мусульманину нельзя сделать злейшей обиды, как знакомством с его женой. В этом отношении всякое сообщение, даже взглядами, запрещено всем, кроме мужа. Это запрещение подстрекало любопытство князя, и он сказал мне: «Какая польза нам гулять по огромному саду, если нам запрещено любоваться цветами. По крайней мере, до отъезда из Крыма, надобно увидеть какую-нибудь татарку без покрывала. Я на это решился; хотите быть моим товарищем в этом предприятии?».

«Я не устоял против искушения, и мы пошли бродить по долинам. Но надежда долго нас обманывала. Наконец, неподалеку от уединенного домика, на опушке маленького леса, мы увидели трех женщин, сидя мывших себе ноги в светлом ручье. Приблизившись как можно тише между деревьями, мы, наконец, успели поместиться против них, под прикрытием куста. Так как покрывала этих женщин лежали подле них на земле, то мы прекрасно могли их рассмотреть. Но, увы, какое разочарование! Из них не было ни одной молоденькой и хорошенькой, даже сносной. Мой товарищ не кстати крикнул: «Признаюсь, Магомет недурно сделал, что велел им закрываться!».

«Услышали ли нас, или нас выдал шелест листьев, только наши три мусульманочки выскочили и с криками побежали. Мы было за ними, чтобы их успокоить, как вдруг видим татар, бегущих с гор, тоже с криками, бросающих в нас каменьями и грозящих кинжалами. Так как мы не приготовились к битве, то, не дожидаясь их приближения, пустились бежать и укрылись от преследователей в чаще леса.

«До тех пор дело было еще не важно, по ложному «правилу, что скрытый грех на половину прощен. Но мой неблагоразумный соучастник не удовольствовался этим. На другой день за столом заметили, что императрица грустна и молчалива; император был погружен в думы; Потемкин насмурен и рассеян. Разговор как-то не клеился или совсем замолкал. Вдруг де-Линь, естественный враг скуки, чтобы рассеять императрицу и развеселить собеседников—вздумал расска-

зать нашу шалость и вчерашнее происшествие. Как ни подталкивал я его, он смело продолжал свой рассказ. Слушатели уже начали было смеяться, чего он и ожидал, как вдруг Екатерина, взглянув на нас величаво и строго, сказала:—«Господа, эта шутка весьма неуместна и может послужить дурным примером. Вы посреди народа, покоренного моим оружием; я хочу, чтобы уважали его законы, его веру, его обычаи и предрассудки. Если бы мне рассказали эту историю и не назвали бы действующих лиц, то я бы никак не подумала на вас, а стала бы подозревать моих пажей, и они были бы строго наказаны».

Нам нечего было возражать на это. Де-Линь замолк так же, как и я, досадуя на свою неуместную болтливость. Наше смирение понравилось императрице, и она снова развеселилась; даже через несколько дней после этого, назначив аудиенцию одной мусульманской княжне, племяннице Селим Гирея, она позволила нам спрятаться так, чтобы мы могли ее увидеть, оставаясь почти незамеченными. Княжна была красивее наших трех татарок. Однако же черные брови и лоснящееся румянами лицо придавали ей вид куклы, несмотря на прекрасные глаза».

Сам де-Линь, впрочем, рассказывает об этом случае несколько иначе. Своей племяннице в Париж он пишет: «Я здесь видел только одну женщину: княжну царской крови, племянницу последнего султана Селим Гирея. Императрица, перед которою она сняла с себя покрывало, спрятала меня за экран. Она была прекрасна, как ясный день, и убрана таким множеством

алмазов, какого не найдешь у всех венских женщин вместе, а этого уже много!».

Так забавлялись молодые люди, из коих одному было за 30 лет, а другому—за 50. И так учила их уму разуму мудрая Екатерина.

XXII.

ОБРАТНЫЙ ПУТЬ.

Обратный путь Екатерины шел через Полтаву, Харьков, Тулу, Москву и Тверь. На эту дорогу потребовалось больше месяца. Выехав 31 мая из Перекопа, Екатерина только к 11 июля приехала в Петербург.

7 июня прибыли в Полтаву. Здесь,—повествует Сегюр,—«пребывание Екатерины ознаменовалось зрелищем не менее блистательным и любопытным, чем прежние, виденные нами». Тут была собрана большая армия, 50 тысяч человек, и устроены большие маневры,—войска воспроизвели пред императрицей картину знаменитого Полтавского боя.

Екатерина осталась очень довольна. «Удовольствием и гордостью горел взор Екатерины; казалось, кровь Петра Великого струилась в ее жилах. Это величественное и великолепное зрелище достойно увенчало наше романическое и вместе историческое путешествие. Князь Потемкин поднес императрице чудесное жемчужное ожерелье; она осыпала его подарками и щедро раздавала чины и ордена генералам и офицерам».

20 июня приехали к обеду в Тулу. «На пути до Москвы,—говорит Сегюр,—мы не встречали ничего замечательнее г. Тулы, который можно бы почесть за одно

из созданий Екатерины,—так она его украсила. Большая часть деревянных домов уже уступила место каменным строениям.

Тула издавна известна производством оружия, которым она снабжает всю русскую армию. Здесь делаются также стальные вещи, и эта отрасль промышленности, поощрением императрицы, доведена до такой степени совершенства, что она смело может соперничать с английскими фабриками. Ее в-во раздавала нам произведения тульских заводов, очень искусно выделанные».

«Остальной путь,—рассказывает де-Линь,—показался нам короткой прогулкою... Все кареты наши были набиты персиками и апельсинами; слуги пьяны от шампанского, а я,—замечает почтенный гастроном,—умираю с голоду, потому что стол императрицы очень невкусен, состоит из одних холодных блюд, к тому же она всегда очень поспешно выходит из-за него и так медленно за него садится, что все простывает».

XXIII.

«ЯВЛЕНИЕ БОЖЕСТВА».

«Вот уже тому два месяца,—писал де-Линь в Париж маркизе К.,—как я расточаю деньги понапрасну; это со мною случалось и прежде, но совсем иным образом. Может-быть, я уже издержал целые миллионы... Подле меня в карете лежит большой зеленый мешок, наполненный золотыми империалами. Все жители соседственных деревень, и даже остальные верст за 10, 15 и 20, для того, чтобы видеть императрицу,

собираются на место нашего проезда, и за четверть часа или более прежде, нежели она проедет мимо них, падают ниц и встают не прежде четверти же часа по отъезде нашем, а я сие распростертое сонмище осыпаю золотом, что иногда случается мне делать раз по десяти в день».

Так встречало Екатерину население мест, по которым она проезжала. Ее ждали задолго, и задолго готовились к встрече. Один из харьковских жителей, бывший впоследствии сенатором, а тогда бывший 10-летним мальчиком, Ф. П. Лубяновский, рассказывает в своих записках, как ждали Екатерину в Харькове: «За неделю перед тем в городе уже не было угла свободного; жили в палатках, шалашах, сараях, где кто мог и успел приютиться; все народонаселение губернии, казалось, стеклось в одно место; к счастию, было это летом, при ясной, тихой и теплой погоде.

«Показался на Холодной горе царский поезд,—настал праздников праздник; тысячи голосов громогласно воскликнули:—шествует!—и все умолкло, неподвижно, как вкопанные, в тишине благоговейной все смотрели и ожидали; божество являлось. У городских ворот встретили императрицу наместник Чертков и правитель губернии Норов верхом, оба военные, генерал-поручики, но оба в губернском мундире. От ворот до дворца (ныне университет), версты полторы, императрица ехала шагом и из кареты по обе стороны кланялась, слышен был только звон с колоколен. Не случалось мне быть в другой раз свидетелем такой глубокой тишины и благоговения при многочисленном

стечении народа. Императрица показалась на балконе дворца; тут только обычное ура загремело по всему городу.

«На другой день императрица уехала. От дворца по площади к собору постлано было алое сукно, по которому ее в-во изволила пешком итти в собор, где слушала молебен. В этом шествии и я имел счастие видеть императрицу: опираясь на трость, без зонтика, в полуденный зной, она шла очень тихо, с лицом довольным, исполненным благоволения, величественно и милостиво кланялась на обе стороны. Из собора отправилась в дальнейший путь».

Просвещенный помещик Болотов, член Вольного Экономического Общества, автор статей по сельскому хозяйству, рассказывает в своих мемуарах, как встречали Екатерину в Туле. Императрицу ждали там в половине июня месяца, и «все дворянство готовилось к тому времени ехать в сей губернский город, дабы иметь случай видеть сей торжественный приезд и самую императрицу... Все госпожи (дворянки) шили, сообразно с алым цветом тульского (дворянского) мундира, и себе алые русские шелковые платья»; вместе с прочими, «восхотелось» и жене Болотова с дочерьми и сыном быть в Туле, и потому «спешили и оне запастись таким же себе одеянием и нарядами, не взирая на весь убыток, с тем сопряженный». Что касается самого Болотова, то он спустил целый пруд в управляемом им имении, чтобы представить для царской кухни щук и карпов покрупнее.

Прибыв в Тулу, Болотов нашел этот город вполне

готовым к приему императрицы. «Я успел в тот же день побывать на заводе, видеть все там для императрицы приготовленное, а потом еще съездить в арсенал и насмотреться и там всей пыли, какую старались тогда кинуть в глаза императрице». «Вся Тула наполнена была тогда съехавшимся со всех сторон обоего пола дворянством, и все, так сказать, на цыпочках ходили, дожидаясь с часу на час прибытия императрицы»...

«Не могу без смеха вспомнить,—продолжает Болотов,—о той превеликой суете, в какой находились все в сие достопамятное утро, и какая скачка поднялась по всей Туле карет и колясок и бегание взад и вперед народа. Вся большая Киевская улица, от самого въезда и сооруженных при оном великолепных триумфальных ворот—до самого собора и далее до дворца, установилась в один почти миг бесчисленным множеством народа, и он, с неописанною нетерпеливостью, ожидал прибытия государыни и той минуты, в которую увидит он свою обладательницу. Собор наполнился так барынями, что сделалась в нем оттого духота совершенная. Все оне одеты были в новые свои однорядные или женские мундиры, и всякая из них старалась получить для себя лучшее и выгоднейшее место для смотрения государыни, о которой все здесь наверное полагали, что она, поравнявшись против собора, непременно остановится и, выйдет из кареты, войдет в церковь для поклонения святым иконам.

«В сем положении и стоючи все в своих местах,

провели мы все тогдашнее прекрасное, светлое и тихое летнее утро. Наконец, в 12 часу гром пушечной за городом пальбы возвестил нам о приближении к городу императрицы. В миг все—и—все, и весь народ установился в порядке по своим местам, и все, с неизъяснимым вожделением, стали дожидаться ее прибытия и глазами искать уже в дали ее кареты, ехавшей за многими другими, проскакавшими мимо нас впереди. Наконец, показалась и она, окруженная множеством всадников, скакавших по обеим сторонам оной. Сам наместник скакал подле сей кареты с боку, верхом, и не успела оная поровняться против нас, как все мы отдали ей глубочайший поклон. Но самое сие поклонение и лишило нас с толикою нетерпеливостью ожидаемого удовольствия ее увидеть, ибо вместо того, чтоб ей против нас остановиться, как того мы все ожидали, проскакала она мимо нас так скоро, что мы, подняв головы свои, увидели уже карету ее далеко от нас уже удалившуюся, и посмотрели только вслед за оною.

«Столь же хорошо в лестных ожиданиях своих обманулись и все наши госпожи боярыни, находившиеся в соборе, ибо и там императрице не угодно было выйти из кареты. Но она, остановившись на секунду против отворенных в соборе дверей, перекрестилась только перед вынесенным к ней архимандритом крестом, приказала тотчас продолжать путь свой далее ко дворцу. Итак, все тут ожидавшие госпожи, искони ни видавшие государыни и в глаза, принуждены были ни с чем и с чувствительным неудовольствием разъ-

езжаться по своим домам и квартирам... Все, по крайней мере, утешали себя надеждою, что увидят государыню в приготовленном в сей день в театре спектакле...

«Сие всеобщее желание, наконец, совершилось: государыня, действительно, удостоила оный своим посещением, и не успело, пред вечером, все дворянство в театр съехаться и все ложи оного наитеснейшим образом собою наполнить, как приехала и государыня в препровождении наместника и прочих господ и госпож своей свиты. Минута вшествия ее, скажу, была восхитительная для всех. У всех зрение и сердца обращены были на оную, и не успела государыня показаться, как с возгремевшею вдруг музыкою, все встав, ей наиглубочайшим образом поклонились, и удостоены были и от ней соответственным поклоном. С сей минуты всех очи обращены были на нее во все продолжение представляемой тогда пьесы, которую едва ли и десятая часть народа тогда видела.

«По окончании спектакля, поехала императрица обратно во дворец, а мы все, по выходе из театра, поехали вслед за нею, для смотрения иллюминации и серенады в полном их виде и действии, ко дворцу и провели остальное время сего вечера довольно весело; ибо было действительно много зрения достойного; в особенности же любовался я бесчисленным множеством плошек, которыми все стены тульской старинной крепости и ее башен были иллюминованы. К последним, к приезду государыни, приделаны были сверху другие башенки с шпицами, существующие и по-

ныне (писано в 1810 г.), и все оне установлены были множеством плошек, и все оне вместе, с наставленными по всем зубцам ниже оных рядами проволоки с скипидаром, зажены были в один миг и представляли преузорочное зрелище. А таковое же душевное удовольствие доставляла всем зрителям и тогдашняя серенада; тихая восхитительная гармония духовой и вокальной музыки услаждали слух каждого».

Вечером тульское дворянство давало бал; ждали, что государыня «не только удостоит своим присутствием, но и пробудет на оном весь вечер». Болотов, вместе со всеми, отправился туда же, в надежде, не услышит ли он там чего-нибудь о судьбе своей книги. «Мы нашли всю огромную залу Дворянского собрания, наполненную уже народом и набитую бесчисленным почти множеством господ и госпож и всех с крайнею нетерпеливостью и вожделением дожидающихся той минуты, в которую государыня прибыть имеет. А не успели мы несколько осмотреться, как вдруг и заговорили все: «Едет, едет»... А не успело слово сие повсюду разнестись, как в миг произошла страшная между всеми суета и волнение... Всякому хотелось стать впереди и занять выгоднейшее место, и у всех дух почти переводился, как услышали уже вшествие приезжих в сени.

«Вдруг, наконец, загремела музыка, и в тот же миг растворяются настежь входные двери. Но, подумайте и вообразите себе, как изумились, увидев, вместо государыни, нашего только наместника, ведущего за руку госпожу Протасову, спутницу императрицы,

а вслед за ними других вельмож, с нею приехавших и ведущих также знаменитейших господ за руки, которые все не успели войти в залу, как и пошли танцовать большой длинный польский.

«Господи, какое началось тогда у всех шептание и перешептывание... С неописанным прискорбием скоро услышали и узнали, что императрица, по причине усталости и небольшого недомогания, езду сию отменила, а изволила отпустить на бал наш всех своих только спутников и спутниц»... Особенно опечалены были дамы: «Что ж касается до госпож, обманувшихся в наилестнейших своих надеждах и увидевших тогда, что все их траты и убытки, употребленные на свои наряды, обратились в ничто и сделались тщетными, то прискорбия, сожаления и даже самой внутренней досады изобразить никак не можно было».

Надеялись, по крайней мере, что Екатерина еще останется в Туле на день—другой, но на утро разнеслась весть, что императрица немедленно отправляется в дальнейший путь, на Москву. Все, кто не успел увидать государыню в городе или на бале, захотели увидеть ее хотя при выезде из Тулы. «И, Господи! какая поднялась тогда изо всего города езда карет в Московскую улицу, и какой стук и гром происходил от множества карет, поспешающих в оную. Всем и каждому из них хотелось благовременно приискать себе там чей-нибудь дом, или, по крайней мере, окошко в нем для смотрения, и многие не жалели никаких денег, при нанимании на несколько часов оных. Со всем тем, многим не удалось

найтить себе мест в домах и окошках, а принуждены оне были стоять в каретах, на улице самой, и выходить из них при проезде мимо их государыни. Но, бедные и жалкие, все оне не получили за все свои труды и убытки удовлетворения; всем им вообще удалось только взглянуть на проскакавшую мимо их, со скоростью, подобною молнии, карету с императрицею, и я сумневаюсь, чтоб которой-нибудь из них удалось ее в лицо увидеть».

XXIV.

МОСКВА.

В Москве Екатерина должна была, наконец, встретиться с внуками, которые поправились от болезни и выехали к ней навстречу. С дороги, еще из Крыма, императрица писала им, что ждет не дождется того дня, когда увидится с ними: «Спешу к вам, колико можно... Мне весьма будет радостно вас видеть... Как съедемся, чаю много будет разговоров, лишь бы один другому не помешал говорить. Я заверно, при первом свидании с вами, буду слушать; ибо радость, что вас найду в Коломенском, отнимет у меня слова»...

«Приехав третьего дня в Коломенское,—писала Екатерина Гримму,—я нашла своих внуков, уже расположившихся здесь с начала этого месяца»... Она не могла сразу ответить Гримму, «так как мои оба внучка страшно шумят у меня в комнате, а, ведь, жестоко было бы прогнать их, когда мы 6 месяцев не видались... Все меня окружающие здоровы, как я, особенно гр. Сегюр и князь де-Линь, которые весело

шумят с Красным Кафтаном и еще более с моими внуками; не знаю, как я могла и это написать».

27 июня Екатерина выехала из Коломенского в Москву. Это не было для нее большим удовольствием: она была своего мнения о первопрестольной столице и открыто выражала свою нелюбовь к Москве; она не любила ее, как не любила и Киева. «Я вовсе не люблю Москвы,—писала она в одной из своих заметок,—Москва—столица безделья, и ее чрезмерная величина всегда будет главной причиной этого. Дворянству, которое собралось в этом месте, там нравится; это неудивительно; но с самой ранней молодости оно принимает там тон и приемы праздности и роскоши; оно изнеживается, всегда разъезжая в карете шестерней... Кроме того, никогда народ не имел перед глазами больше предметов фанатизма... попы, богомольцы, нищие, воры, бесполезные слуги в домах,—какие дома, какая грязь в домах, площади которых огромны, а дворы—грязные болота».

Принц де-Линь писал своей приятельнице в Париж: «Я в Москве. Этот город, дающий понятие, по некоторым отношениям, об Испагане, похож на 4 или 5 сот замков знатных господ, съезжающихся в них из деревень для общежития... Самые знатнейшие особы в государстве, наскучив двором, приезжают сюда затем, чтоб свободно жить и говорить. Императрица почти не знает, да и не хочет знать об них. «Что вы думаете об этих господах?»—спросила она у меня. Я отвечал ей, глядя на трех или четырех престарелых камергеров, генерал-аншефов и проч.: «О, ваше

в-во, это самые почтенные руины».—«Они не очень меня любят,—сказала императрица,—я не нравлюсь им, быть-может, потому, что я виновата перед некоторыми из них, или что они не правы передо мною».

В письме к Гримму Екатерина жаловалась на «праздники и сутолоку московских пиров, которые удвояют сумятицу и не оставляют ей ни минуты времени, ни отдыха во весь день». Действительно, барская Москва встретила императрицу по праздничному. «Можно себе представить, как великолепны были празднества, устроенные для царицы многочисленным, знатным и богатым дворянством. Особенно хорош был праздник, данный в честь императрицы графом Шереметевым, в одном из его подмосковных поместий (Кускове).

«Дорога туда была освещена блестящим образом. Огромный графский сад, насажденный с большим искусством, был освещен разноцветными огнями. На прекрасном его театре сыграли большую русскую оперу («Самнитские браки»); меня удивило изящество мелодий, богатство нарядов, ловкость и легкость танцовщиков и танцовщиц. Но более всего меня поразило то, что автор слов и музыки оперы, архитектор, построивший театр, живописец, который его расписал, актеры и актрисы, кордебалет и самые музыканты оркестра, —все были крепостные люди графа Шереметева. Этот помещик, один из богатейших в России, позаботился воспитать их и обучить; ему обязаны они были своими талантами.

«Ужин был так же роскошен, как представление; никогда я не видывал такого множества золотых и

серебряных сосудов, столько фарфора, мрамора и порфира. Наконец (что многим покажется невероятным), весь хрусталь на столе на 100 приборов был изукрашен и осыпан дорогими каменьями всех родов и цветов и самой высокой цены.

«Так-то русские вельможи, лишь только вступили на путь просвещения, как уже начали подражать патрициям Рима; в то время в Москве можно было встретить не одного Лукулла».

Во время пребывания двора в Москве, здесь совершено было большое церковное торжество; Екатерина писала потом Потемкину: «В Петров день на Москве, в Успенском соборе, Платона провозгласили мы митрополитом, и нашили ему на белой клобук крест бриллиантовой в поларшина в длину и поперек;—и он во все время был как павлин Кременчугский»,—не могла не прибавить ученица Вольтера...

XXV.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ.

Вернувшись 11 июня в Царское Село, Екатерина могла, наконец, как и все ее спутники, отдохнуть от путешествия и подвести итоги всему виденному. Она была очень довольна путешествием, во время которого, по ее словам,—«Таврические горы шли к ней навстречу тяжелыми шагами и с томным видом отвешивали поклон»,—и еще более довольна Потемкиным, который мог торжествовать полную победу над противниками. Еще с дороги императрица не раз ему писала: «Мы здесь чванимся сздою и Тавридою, и тамошними

генерал-губернаторскими распоряжениями, кои добры без конца и во всех частях. Тебя и службу твою, исходящую из чистого усердия, весьма, весьма люблю, и сам ты бесценной. Сие я говорю и думаю ежедневно... Ей Богу, ты молодец редкой, всем проповедую». Из Царского Села Екатерина писала Потемкину: «Друг мой сердечной, князь Григорий Александрович. Третьего дни окончили мы свое 6.000-верстное путешествие, приехав на сию станцию в совершенном здоровье, а с того часа упражняемся в рассказах о прелестном положении мест вам вверенных губерний и областей, о трудах, успехах, радении, усердии, попечении и порядке, вами устроенном повсюду. Итак, друг мой, разговоры наши почти непрестанные замыкают в себя либо прямо, либо с боку твое имя, либо твою работу».

В память этого путешествия была выбита медаль, для раздачи всем участникам, с профилем Екатерины —на одной стороне, и картой путешествия—на другой: кругом карты русская надпись: «Путь на пользу» —выбранная Екатериной из 38 проектов, и обозначение: «в 25 лето царствования, 1787 году».

Была выбита и другая медаль, в честь Потемкина, с его профилем и с картой устроенных им губерний. Сверх того, Потемкин получил 100 тыс. рублей награды и наименование Таврического. Безбородко получил дом в Москве, принадлежавший раньше Бестужеву; немало наград было роздано и другим лицам, содействовавшим успеху грандиозного предприятия.

В письме, написанном специально к Потемкину,

Сегюр обещал, вернувшись во Францию, рассказать там о всем, что видел в путешествии: «Я там с восторгом опишу все те чудные картины, которые вы представили нашим взорам; коммерцию, завлеченную в Херсон, несмотря ни на зависть, ни на болота; флот, построенный в 2 лишь года каким-то чудом в Севастополе, ваш Бахчисарай, напоминающий 1001 ночь, вашу Темпейскую долину (Байдарскую); ваши празднества, почти баснословные, в Карасубазаре; ваш Екатеринослав, где вы собрали в 3 года более монументов, нежели иные столицы в 3 столетия; эти пороги, которые вы подчинили своей власти; и ту гордую Полтаву, на полях которой вы отвечали подвигом своих 70 эскадронов (маневрами) на критики, которыми невежество да зависть клеветали на нашу администрацию и опытность вашей армии. Если мне не поверят, вы в том виноваты: зачем сотворили столь много чудес в столь малое время, и не гордились ими перед всеми, пока не показали нам их всех вдруг»...

Принц де-Линь еще из Тулы писал в Париж маркизе К. о своих путевых впечатлениях, и в шутливой форме высказал несколько горьких для русской императрицы истин: «Я знаю,—писал он,—что верить путешественникам, придворным и также всему хорошему, рассказываемому о России, ныне не в моде; что те самые из русских, которым не удалось ехать с нами, станут предполагать, что будто и нас обманывают, и мы обманываем. Уже успели сплести басню, что нам по дороге выставляли картонные домики, пуш-

ки и корабли, разрисованные на бумаге, а конницу без лошадей, и тому подобный вздор». Но дальше он же сам продолжает: «Теперь я узнал, что значат искусные обманы: например, императрица, не будучи в состоянии выходить из кареты и везде все так, как мы, осматривать, должна верить, что некоторые города, коим она давала знатные суммы на построение, уже совсем кончены; между тем, как мы часто находили сии же города без улиц, улицы без домов, дома без кровлей, окон и дверей. Императрице показывали одни каменные ряды, красиво выстроенные, одне колоннады губернаторских палат, из коих она многим дарила по серебряному сервизу, приборов на сто.

«Не правда ли,—говорила мне императрица, показывая на поля, обработанные не хуже английских, и на такое ж почти многолюдство в губерниях Харьковской и Курской,—не правда ли, что аббат де Шапп, ничего не видавший сквозь замерзлые от стужи стекла своей кареты, несправедливо говорил, что в России только одни степи. Я не спорю что, может быть, некоторые помещики, употребляя во зло власть свою (что, впрочем, и везде бывает), жестокостию превращали иногда крик радости в вопль нищеты. Однакоже, как скоро губернатор обвинит таких помещиков, то их строго наказывают, и верно те ура, которые раздавались везде, где мы ни проезжали, восклицаемы были с веселыми лицами и от чистого сердца». Но действительность была иная.

В тех местах, по которым проезжала императрица, богатые декорации, нарочно для нее выстроенные, ва-

лилися тотчас же после ее проезда. Постройка собора, заложенного в Екатеринославе, была приостановлена, и громадный фундамент, обошедшийся в 70 тыс. руб., обратился в ограду для небольшой, действительно выстроенной церкви. Исчезли дворцы, сооруженные повсюду для приема императрицы и ее блестящей свиты. Доктор Вейкарт, отставший от этой свиты еще в Херсоне, писал оттуда: «После отъезда государыни в Тавриду мы здесь, как овцы без пастыря, или как сироты без отца и без матери. Есть и пить нечего, купить нечего, да и кого об оном спросить—не знаем».

XXVI.

ПРОБУЖДЕНИЕ.

Путешествие, походившее на блестящую сказку 1001 ночи, еще не кончилось, как уже началось пробуждение от сладостных грез, от упоительной мечты; трезвая и печальная действительность показала путешествующим свое суровое лицо, и скоро от волшебных иллюзий не осталось следа. Это действительность была —неурожай, дороговизна, голод.

Первые слухи об этом стали, повидимому, доходить до императрицы уже давно. «Тотчас по отъезде из Крыма,— пишет в доношении своему двору английский посланник Фитц Герберт,— императрица впала в заметно грустное настроение, переходившее иногда в припадки раздражительности, и, за исключением небольших перерывов, она оставалась в таком положе-

нии до возвращения». Фитц Герберт объяснял это известиями, получавшимися отовсюду, «относительно нищеты и бедственного положения ее подданных вследствие неурожая, а потому и дороговизны хлеба». В Туле наместник Кречетников старался успокоить императрицу, доказывая ей, что в Тульском крае все обстоит благополучно, но один из ее спутников, Лев Нарышкин, принес Екатерине хлеб, купленный им на рынке по дорогой цене, и показал, чего стоили уверения Кречетникова. Этим и объясняется, что Екатерина не пожелала посетить бала, данного ей тульским дворянством. Когда фрейлины напомнили ей о бале, Екатерина сказала им: «Могу ли я принять в нем участие, когда, может-быть, многие здешние жители терпят недостаток в хлебе?». О том же сообщают Сегюр и де-Линь. Рассказав о празднике в Кускове у Шереметева, Сегюр продолжает: «Екатерина в свою очередь хотела дать в Кремле балы и торжества, которых пышность соответствовала бы ее величию. Но все было отложено, когда она узнала, что народ страдает от непредвиденного сильного неурожая.— «Не прилично было бы явиться мне среди увеселений и празднеств, когда мои подданные страдают от бедствия, которое я бы должна была предотвратить». Де-Линь писал своей приятельнице из Москвы: «Приятная мечта исчезла, и наступила печальная сущность. Все пиршества прекращаются; обозы с хлебом заступают место барок, нагруженных апельсинами».

Так закончилось путешествие Екатерины. А через несколько месяцев, 12 сентября, прискакал гонец с

известием, что турки объявили войну России и посадили русского посла Булгакова в Семибашенный замок. Посреди голода надо было воевать за земли, приобретенные на Черном море.

Об этих тяжелых временах народного бедствия рассказывает подробно, в одной из своих статей, известный дворянский публицист того века, депутат комиссии 1767 г. князь М. М. Щербатов. «Большая часть государства с голоду помирает. Московская, Калужская, Тульская, Рязанская, Белогородская, Тамбовская губернии и вся Малороссия претерпевают непомерной голод, едят солому, мякину, листья, сено, лебеду; но и сего уже недостает; ибо, к несчастию, и лебеда не родилась, и оной четверть по 4 рубля покупают. Ко мне из Алексинской моей деревни привезли хлеб, испеченной из толченного сена, 2 из мякины, и 3 из лебеды. Он в ужесть меня привел, ибо едва на четверть тут четверка овсяной муки положено. Но как я некоторым и сей показал, мне сказали, что еще хорош, а есть гораздо хуже. А однако никакого распоряжения не сделано о прокормлении бедного народа, для прокормления того народу, которой сочиняет силу Империи, которого в самое сие время родственники и свойственники идут сражаться со врагом, которые в степях, в холоде, в нужде и в сырых землянках без ропоту умирают, который дает доходы не токмо на нужды государственные, но и на самый роскош».

Цена 60 руб.

Издание зарегистрировано и цена утверждена
Отделом печати Моск. Сов. Р. и Кр. Д.

